

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ДОНАЛЬД РЭЙ ПОЛЛОК

ДЬЯВОЛ ВСЕГДА ЗДЕСЬ

18+

Премия гения от фонда PEN/Bingham Fellowship

Номинант премии Ширли Джексон

Звезды детектива (АСТ)

Дональд Рэй Поллок
Дьявол всегда здесь

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Поллок Д.

Дьявол всегда здесь / Д. Поллок — «Издательство АСТ»,
2011 — (Звезды детектива (АСТ))

ISBN 978-5-17-115502-5

Уиллард Рассел, ветеран Второй мировой войны, пытается спасти свою умирающую от болезни жену. Медленно сходя с ума, он начинает думать, что ее уберезит только жертвенная кровь, пролитая на «молитвенное бревно», которое он нашел в лесу недалеко от дома. На дорогах охотится на автостопщиков семейная пара серийных убийц, а проповедник, внушающий пастве веру с помощью пауков, бежит от правосудия и собственной совести. И посредине такого кошмара растет Эрвин, сын Уилларда, который очень хочет вырасти хорошим человеком, но мир не дает ему это сделать. Судьбы героев сплетутся в единый узел, и не всем удастся выбраться из него живыми. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-115502-5

© Поллок Д., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
1	10
2	15
3	19
4	23
5	27
6	30
7	34
8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дональд Рэй Поллок Дьявол всегда здесь

Donald Ray Pollock
THE DEVIL ALL THE TIME
This edition is published by arrangement
with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского: Сергей Карпов
Дизайн обложки: Василий Половцев

Серия «Звезды детектива»

Copyright © Donald Ray Pollock, 2011
© Сергей Карпов, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Слова посвящаю Пэтси

Пролог

Южный Огайо. Мерзким утром под конец сырого октября Эрвин Юджин Рассел торопился за своим отцом Уиллардом вдоль края пастбища, выходящего на длинное и скалистое ущелье под названием Нокемстифф. Уиллард был высоким и костлявым, и Эрвин поспевал за ним с трудом. Поле заросло кустами шиповника и пожухлыми клоками песчанки и чертополоха, а туман – плотный, как серые облака над головой, – был девятилетнему мальчику по колено. Через несколько минут они свернули в лес и спускались с пригорка по узкой оленьей тропе, пока не вышли к бревну, лежащему на полянке, – останкам большого красного дуба, рухнувшего много лет назад. В нескольких ярдах от них на мягкой почве кренился к востоку обветренный крест, сбитый из досок, отодранных с задней стенки покосившегося сарая у них за фермой.

Уиллард подошел к высокой стороне бревна и жестом велел сыну встать вместе с ним на колени в опавшие влажные листья. Если только по венам не бежал виски, Уиллард приходил на поляну каждые утро и вечер, чтобы поговорить с Богом. Эрвин не знал, что хуже – выпивка или молитвы. Сколько он помнил, казалось, его отец всегда сражался с дьяволом. Эрвина прошибла легкая дрожь от сырости, он запахнул куртку. Лучше бы остался в постели. Школа со всеми ее мучениями и то приятней, но сегодня суббота, увильнуть было невозможно.

За почти голыми деревьями за крестом Эрвин видел завитки дыма из нескольких труб в полумиле отсюда. В НокемстиFFE в 1957 году проживало около четырехсот человек, почти всех связывало кровное родство из-за какого-нибудь забытого богом бедствия – будь то похоть, нужда или простое неведение. В ущелье вместе с крытыми толем хижинами и бетонными домами стояли два магазина, церковь Христа в Христианском Союзе и шалман, известный всему городу как «Загон». Хотя Расселы снимали дом на вершине Митчелл-Флэтса уже пять лет, большинство соседей снизу до сих пор считали их чужаками. В школьном автобусе Эрвин был единственным ребенком, который не приходился никому родственником. Три дня назад он опять вернулся домой с подбитым глазом. «Я не одобряю драки ради драки, но какой же ты иногда тютя, – сказал ему тем вечером Уиллард. – Может, те ребята и здоровей тебя, но если кто потом опять что начнет, то я хочу, чтобы ты это закончил». Уиллард тогда стоял на крыльце, переодевался после работы. Передал Эрвину коричневые штаны, твердые от запекшейся крови и засохшего жира. Он работал на бойне в Гринфилде, и в этот день забили тысячу шестьсот свиней – новый рекорд «Фасованного мяса Р. Дж. Кэрролла». Хотя мальчик еще не знал, кем хочет стать, когда вырастет, забивать ради заработка свиней его не тянуло.

Они как раз начали молитву, но вдруг сзади с резким хрустом сломалась ветка. Когда Эрвин стал поворачиваться, Уиллард поймал его за плечо, но мальчик успел заметить в бледном свете двух охотников – грязных и потрепанных мужиков, которых видел несколько раз на переднем сиденье старого седана в струпьях ржавчины, на стоянке магазина Мод Спикмен. Один нес коричневый мешок, с дном, заляпанным ярко-красным. «Не обращай внимания, – тихо сказал Уиллард. – Сейчас время Господа и больше ничье».

Зная, что мужчины рядом, Эрвин нервничал, но все же вернулся на место и закрыл глаза. Уиллард считал бревно не менее святым, чем любую рукотворную церковь, и обижать отца мальчику хотелось меньше всего, – хотя иногда это казалось безнадежным делом. В чаще опять стало тихо – только капала с листьев влага и скребла на дереве белка. Только Эрвин подумал, что мужчины ушли, как один хрипло произнес:

– Черт, да у них тут целое бдение.

– Потихе, – услышал Эрвин второго.

– Блин. Видать, самое время наведаться к его старушке. Небось как раз для меня постель греет.

– Завали, Лукас, – буркнул второй.

– А чего? Только не говори, что сам бы отказался. Телка что надо.

Эрвин беспокойно глянул на отца. Глаза Уилларда были закрыты, большие руки сплелись на вершине бревна. Губы быстро двигались, но слов не разобрал бы никто, кроме Творца. Мальчик вспомнил, что накануне говорил Уиллард: надо стоять за себя. Значит, и это просто слова. Сердце екнуло от мысли, что теперь долгая поездка на школьном автобусе станет еще хуже.

– Ну слышь, тупой ты сукин сын, – сказал второй, – мне тут уже тяжело становится.

Эрвин слышал, как они развернулись и возвратились по склону холма в ту сторону, откуда пришли. Еще долго после того, как затихли шаги, доносился хохот болтливого.

Несколько минут спустя Уиллард встал и подождал, пока сын договорит «аминь». Потом они молча вернулись к дому, соскоблили грязь с подошв о ступени крыльца и вошли на теплую кухню. Мать Эрвина, Шарлотта, жарила полоски бекона на железной сковороде, взбивала яйца вилкой в синей миске. Налила Уилларду чашку кофе, перед Эрвином поставила стакан молока. Ее черные блестящие волосы были завязаны в хвост резинкой, на ней были полинявший розовый халат и пушистые носки – один с дыркой на пятке. Глядя, как она ходит по кухне, Эрвин пытался представить, что бы случилось, если бы охотники отправились к ним домой, а не ушли восвояси. Его мать была самой красивой женщиной из всех, что он видел. Интересно, пустила бы она их в дом?

Доев, Уиллард отодвинулся на стуле и вышел с мрачным видом на улицу. С самой молитвы он не произнес ни слова. Шарлотта встала из-за стола и подошла с кофе к окну. Смотрела, как он топают по двору в сарай. Задумалась, нет ли у него там бутылки в записке. К той, которую он держал под раковиной, не прикасались уже несколько недель. Обернулась к Эрвину.

– Папа на тебя за что-то сердится?

Эрвин покачал головой.

– Я ничего не сделал.

– Я не об этом спрашиваю, – сказала Шарлотта, прислоняясь к кухонной стойке. – Мы оба знаем, какой он бывает.

На мгновение Эрвин подумал о том, чтобы рассказать матери, что случилось у молельного бревна, но так и не смог побороть стыд. На душе стало нехорошо от одной мысли, что отец выслушал, как о ней так говорят, и просто пропустил мимо ушей.

– Ходили на бдения, вот и все, – сказал он.

– Бдения? – спросила Шарлотта. – Где ты такого нахватался?

– Не знаю, просто где-то слышал, – потом он встал и прошел по коридору в свою спальню. Закрыл дверь и лег на кровать, накрывшись одеялом. Перевернулся на бок, уставился на картинку с распятым Христом, которую Уиллард повесил над расцарапанным и побитым комодом. Такие же картины с казнью Спасителя можно было найти во всех комнатах, кроме кухни. Тут Шарлотта провела черту – так же, как когда он начал водить Эрвина в лес молиться. «Только по выходным, Уиллард, и точка», – сказала она. Она считала, что слишком много религии – не лучше, чем слишком мало, а то и хуже, но умеренность просто была не в натуре ее мужа.

Где-то час спустя Эрвина разбудил голос отца с кухни. Он слетел с кровати и разгладил складки на шерстяном одеяле, потом подошел к двери и прижался к ней ухом. Услышал, как Уиллард спрашивает Шарлотту, не нужно ли им что в магазине. «Мне надо заправить машину для работы», – говорил он. Услышав шаги отца в коридоре, Эрвин быстро отпрянул от двери. Встал у окна, притворяясь, что рассматривает наконечник стрелы, который взял из своей маленькой коллекции сокровищ на подоконнике. Дверь открылась.

– Прокатимся, – сказал Уиллард. – Чего тебе сидеть весь день дома, как коту.

Когда они выходили из двери, Шарлотта крикнула с кухни: «Сахар не забудь». Сели в пикап и проехали до конца колеи, а потом спустились по Баум-Хилл-роуд. У дорожного знака Уиллард повернул налево, на заасфальтированный участок дороги, пересекающей Нокемстифф надвое. Хотя поездка в магазин Мод не занимала больше пяти минут, Эрвину всегда казалось, что если спуститься с Флэтса, то как будто въезжаешь в другую страну. У Паттерсонов в открытых дверях обветшалого гаража собралась стайка ребятишек – некоторые младше его, – передавали по кругу сигареты и по очереди били распотрошенный остов оленя, висящий на крюке. Пока они проезжали мимо, один из мальчишек ухнул и два раза рассек ударом стылый воздух, и Эрвин сполз на сиденье пониже. Перед домом Джейни Вагнер во дворе под кленом ползал розовый младенец. Джейни стояла на просевшем крыльце, показывала на младенца и кричала кому-то в разбитое окно, залатанное картонкой. На ней было все то же, в чем она ходила в школу каждый день, – красная клетчатая юбка и поношенная белая блузка. Хотя Джейни была всего на класс старше Эрвина, в автобусе по дороге домой она всегда сидела со старшими мальчишками сзади. Он слышал, как другие девочки говорили: ее, мол, пускают назад, потому что она раздвигает ноги и дает всем подряд. Он надеялся, что однажды, когда подрастет, узнает, что это значит.

Вместо того чтобы остановиться у магазина, Уиллард резко свернул направо, на гравийную дорогу под названием Шейди-Глен. Поднажал на газ и вылетел на грязный лысый двор вокруг «Загона». Тот был замусорен крышками от бутылок, сигаретными бычками и упаковками из-под пива. Там жил Снукс Снайдер – бывший железнодорожник, обросший бородавками из-за рака кожи, – вместе со своей сестрой Агатой, старой девой, которая день-деньской сидела у окна второго этажа во всем черном, притворяясь скорбящей вдовой. Снукс продавал с крыльца пиво и вино, а если знал тебя хотя бы в лицо, то с черного хода – и что позабористей. Для удобства клиентов сбоку от дома, под высокими платанами, стояло несколько столов для пикника – вместе с площадкой для игры в подкову и туалетом, который, всегда казалось, вот-вот завалится. Двое мужчин, что Эрвин видел этим утром в лесу, сидели в конце одного стола и пили пиво, прислонив ружья к дереву у них за спиной.

Пикап еще не остановился толком, а Уиллард уже распахнул дверь и выскочил. Один из охотников встал и кинул бутылку – она чиркнула по лобовому стеклу и с дребезгом упала на дорогу. Потом мужик развернулся и бросился наутек, хлопая лапами изгвазданной куртки и бешено оглядываясь воспаленными глазами на здоровяка позади. Уиллард догнал и толкнул его в жирную слякоть, натекшую перед дверью туалета. Перевернув на спину, прижал тощие плечи мужика коленями и принялся месить кулаками бородастое лицо. Второй охотник схватил свое ружье и поспешил с коричневым пакетом под мышкой к зеленому «плимуту». Уехал, и лысые покрывки разбрасывали гравий всю дорогу мимо церкви.

Через пару минут Уиллард перестал бить. Встряхнул руками и глубоко вдохнул, потом подошел к столу, где сидели мужчины. Взял ружье у дерева, разрядил два красных патрона, потом размахнулся, как бейсбольной битой, и бил о ствол платана, пока оно не разлетелось на куски. Возвращаясь к пикапу, оглянулся и увидел: в дверях стоит Снукс Снайдер и целится в него из короткоствола. Уиллард сделал несколько шагов к крыльцу.

– Старик, если того же хочется, – громко сказал Уиллард, – то ты давай выходи. Я тебе этот ствол в жопу засуну.

Он стоял и ждал, пока Снукс не закрыл дверь.

Вернувшись в пикап, Уиллард залез под сиденье за тряпкой и стер с рук следы крови.

– Помнишь, что я тебе говорил? – спросил он Эрвина.

– Про пацанов в автобусе?

– Ну, вот что я имел в виду, – сказал Уиллард, кивнув на охотника. Выкинул тряпку в окно. – Просто надо выбрать правильное время.

– Да, сэр.

– В мире полно сукиных детей.

– Больше ста?

Уиллард усмехнулся и завел машину.

– Да уж как минимум, – он начал выжимать сцепление. – Пожалуй, лучше оставим это между нами, ладно? Ни к чему маму расстраивать.

– Нет, ей этого не надо.

– Хорошо, – сказал Уиллард. – Хочешь шоколадку?

Долго еще Эрвин будет считать этот день лучшим из проведенных с отцом. Тем вечером после ужина он пошел за Уиллардом обратно к моельному бревну. Когда они добрались, уже поднималась луна – осколок древней изглоданной кости в сопровождении одинокой дрожащей звезды. Они встали на колени, и Эрвин бросил взгляд на ободранные костяшки отца. На вопрос Шарлотты Уиллард ответил, что поцарапался, когда менял лысую покрышку. Эрвин никогда раньше не слышал, чтобы отец врал, но не сомневался – Господь его простит. Этой ночью в неподвижном темнеющем лесу звуки, поднимающиеся из ущелья, были особенно отчетливыми. Звон подков о металлические штырьки у «Загона» почти напоминал колокольный, а дикие крики и ржач пьянчуг напоминали мальчику об охотнике, лежащем в крови и грязи. Отец преподавал ему урок, который тот никогда не забудет; и в следующий раз, когда кто-нибудь полезет на Эрвина, он поступит так же. Эрвин закрыл глаза и начал молиться.

Часть первая

Жертвоприношение

1

Была среда, осень 1945 года, вскоре после окончания войны. Автобус компании «Грей-хаунд» остановился по расписанию в Миде, штат Огайо, – городишке с бумажной фабрикой в часе езды на юг от Колумбуса, провонявшем протухшими яйцами. Путешественники жаловались на смрад, но местные любили хвастаться, что это сладкий запах денег. Водитель автобуса – рыхлый коротконогий мужчина в высоких ботинках и с вялой бабочкой на шее – свернул в переулок рядом с депо и объявил сорокаминутную остановку. Ему бы хотелось хлебнуть кофейку, но снова разыгралась язва. Он зевнул и сделал глоток из бутылочки с розовым лекарством, стоящей на приборной доске. Труба на другом конце города – самая высокая постройка в этой части штат – изрыгнула очередное грязно-бурое облако. Трубу было видно за мили – пыхтела, как тощий вулкан, готовый взорваться.

Откинувшись на сиденье, водитель сдвинул кожаную кепку на глаза. Сам он жил в Филадельфии и теперь думал: доведись ему жить в таком месте, как Мид, штат Огайо, сразу бы застрелился. В этом городе даже миску салата не найдешь. Люди здесь ели как будто только жир с жиром на добавку. Он бы через два месяца скопытился от жижи, которой тут кормят. Жена говорила подругам, что у него тонкая конституция, но из-за ее интонации он иногда сомневался, что она действительно сочувствует. Если б не язва, ушел бы на войну с остальными мужиками. Вырезал бы целый немецкий взвод и показал, какая у него конституция. Больше всего он жалел, сколько медалей прошло мимо. Его старик однажды получил на железной дороге грамоту за то, что не пропустил ни единого рабочего дня за двадцать лет, и следующие двадцать лет тыкал ею в нос болезному сыну. Когда старик наконец откинулся, водитель уговаривал мать положить грамоту в гроб вместе с телом, чтобы не мозолила больше глаза. Но она настояла и оставила ее на виду в гостиной – в пример, чего может добиться в жизни человек, если не побоится какого-то несварения. Споры из-за жалкого клочка бумажки чуть было не испортили похороны, которых водитель ждал уже очень давно. Какое будет облегчение, когда все отслужившие солдаты наконец вернуться домой, чтобы больше не пришлось смотреть на этих ублюдков. Через какое-то время они начинают давить – чужие достижения то есть.

Рядовой Уиллард Рассел пил в хвосте автобуса с двумя матросами из Джорджии, но один отключился, а второго стошнило в последнюю бутылку. Уиллард все думал: если доберется домой, то уже никогда не покинет Коул-Крик, штат Западная Виргиния. За годы детства на холмах он всякое повидал, но это все и близко не стояло с тем, с чем он столкнулся на юге Тихого океана. На одном из Соломоновых островов он с парой человек из отряда наткнулся на морпеха, которого японцы освежевали заживо и прибили к кресту из двух пальм. Обнаженное окровавленное тело покрывали черные мухи. Они видели, как в груди еще бьется сердце. С обрубка большого пальца ноги свисали жетоны: комендор-сержант Миллер Джонс. Уиллард был не в силах ему помочь, он мог только оказать последнюю милость, а потому выстрелил морпеху в голову за ухом, после чего труп сняли и забросали камнями у подножия креста. С тех пор в мозгах у Уилларда что-то изменилось.

Услышав, что пухлый водитель кричит про остановку, Уиллард встал и двинулся к двери, с отвращением оглянувшись на матросов. По его мнению, ВМФ – род войск, которому надо запретить алкоголь. За три года службы в армии он не встретил ни единого морячка, который умел бы пить. Ему говорили, это из-за селитры – ею их пичкают, чтобы не свихнулись

и не перетрахаляли друг друга за долгие дни в море. Он выбрал из автобусного депо и увидел через дорогу ресторанчик под названием «Деревянная ложка». На обрывке белого картона в окне рекламировался мясной рулет за тридцать пять центов. В день, когда он уходил в армию, мать приготовила ему мясной рулет, так что он решил – это хороший знак. Сел в кабинке у окна и закурил. Вдоль всех стен шла полка с собирающими пыль старыми бутылками, старинной посудой и потрескавшимися черно-белыми фотографиями. На стене у кабинки повесили поблекшую газетную вырезку о мидском полицейском, которого перед автобусным депо застрелил грабитель банка. Уиллард пригляделся, увидел дату статьи – 11 февраля 1936 года. За четыре дня до его двенадцатого дня рождения, рассчитал он. Кроме Уилларда, в закускойной был только один клиент: посреди помещения над миской склонился старик и прихлебывал зеленый суп. На куске масла перед ним лежали вставные зубы.

Уиллард докурил и уже хотел уйти, когда из кухни наконец вышла темноволосая официантка. Подхватила меню с полки у кассы и протянула. «Простите, – сказала она. – Не слышала, как вы вошли». Глядя на ее высокие скулы, полные губы и длинные стройные ноги, Уиллард поймал себя на том, что у него пересохло во рту. Он не мог вымолвить ни слова. Раньше с ним такого не бывало – даже в разгар тяжелых боев на Бугенвиле. Когда она ушла передать заказ и принести чашку кофе, в голове промелькнула мысль: всего пару месяцев назад он не сомневался, что его жизнь оборвется на каком-нибудь никчемном знойном рифе посреди Тихого океана; а теперь он здесь, все еще коптит небо, всего в паре часов от дома, пока его обслуживает женщина – точь-в-точь голливудская дива, только живая. Насколько потом понимал Уиллард, тогда-то он и влюбился. И не важно, что мясной рулет был пересушен, зеленые бобы – жидкие, а хлеб – твердый, как кусок угля. Тогда казалось, что ничего вкуснее он в жизни не ел. А доев, сел в автобус, даже не зная имени Шарлотты Уиллоби.

За рекой – в Хантингтоне, на другой остановке автобуса, – он нашел алкогольный магазин, купил пять пинтовых бутылок марочного виски и сунул в вещмешок. Теперь сидел впереди, прямо за водителем, думая о девушке в закускойной и высматривая за окном знакомые места. Он все еще был под мухой. Ни с того ни с сего водитель спросил:

– Медали домой везешь? – и посмотрел на Уилларда в зеркало заднего вида.

Уиллард покачал головой.

– Только свою тощую тушку.

– Я хотел пойти, но меня не взяли.

– Повезло, – сказал Уиллард. В день, когда они нашли морпеха, сражения на острове почти закончились и сержант послал их искать чистую воду. Пару часов спустя после того, как они закопали освежеванное тело Миллера Джонса, из скал к ним вышли четверо оголодавших японцев со свежей кровью на мачете, подняли руки и сдались. Когда Уиллард и два его сослуживца повели их обратно к кресту, солдаты упали на колени и принялись то ли извиняться, то ли молить о пощаде – этого он не понял. «Пытались сбежать, – соврал потом Уиллард сержанту в лагере. – У нас не было выбора». Когда они казнили япошек, один из солдат, луизианский парнишка с лапкой водяной крысы на шее – от шальных пуль узкоглазых, – отрезал им уши опасной бритвой. У него уже была целая сигарная коробка сушеных ушей. Планировал продавать трофеи по пять баксов за штуку, когда они вернутся к цивилизации.

– У меня язва, – сказал водитель.

– Ты ничего не пропустил.

– Ну не знаю, – возразил водитель. – От медали бы не отказался. А то и от парочки. Уж на две я бы этих фрицев настрелял. Так-то я рукастый.

Глядя в затылок водителя, Уиллард вспоминал разговор с угрюмым молодым священником на борту корабля – после исповеди в том, что он застрелил морпеха, чтобы избавить от мучений. Священнику уже стояли поперек горла смерть, на которую он насмотрелся, и молитвы, которые он читал над рядами мертвых солдат и кучами из частей тел. Он сказал Уил-

ларду: если хотя бы пол его истории – правда, то единственное, на что годится этот оскверненный и падший мир, – подготовить нас к следующему.

– А ты знал, – сказал Уиллард водителю, – что римляне потрошили ослов, заживо зашивали им в брюхо христиан и оставляли гнить на солнце? – У священника было полно таких историй.

– А это тут при чем?

– Просто подумай. Тобой начинают осла, как индейку на сковородке, и только башка торчит из задницы; а потом тебя жрут личинки, пока Царство Божье не взвидишь.

Водитель нахмурился, покрепче взялся за баранку.

– Что-то не пойму, куда ты клонишь, дружище. Я-то про то, чтоб вернуться домой с большой медалью на груди. Эти твои римляне что, медали выдавали перед тем, как в осла запихнуть? Ты про это?

Уиллард не понял, что имел в виду водитель. Если верить священнику, только Богу ведомы пути людские. Он облизал сухие губы, подумал о виски в вещмешке.

– Я говорю, что, как ни крути, в конце концов страдают все, – сказал Уиллард.

– Ну, – заметил водитель, – а до этого неплохо бы медаль. Черт, у меня дома жена, которая с ума сходит всякий раз, как медали видит. А ты говоришь – страдания. У меня в рейсе каждый раз душа не на месте, что она удерет с каким-нибудь «пурпурным сердцем».

Уиллард придвинулся, и водитель почувствовал горячее дыхание на толстой шее, запах паров виски и дешевого обеда.

– Думаешь, Миллеру Джонсу было не насрать, если его старушка трахается направо? – сказал Уиллард. – Да он бы, приятель, махнулся с тобой местами, не глядя.

– Какой еще, на фиг, Миллер Джонс?

Уиллард выглянул в окно на туманную вершину горы Гринбрайер, которая появилась в отдалении. Руки дрожали, а лоб блестел от пота.

– Да так, один бедолага, сражался на войне, куда тебя не пустили, вот и все.

Уиллард уже был готов сорваться и открыть первую пинту, когда перед остановкой «Грей-хаунда» в Льюисберге, на углу улиц Вашингтон и Корт, притормозил на дребезжащем «форде» его дядя Ирскелл. Уиллард просидел почти три часа на скамейке с холодным кофе в бумажном стаканчике, глядя, как мимо аптеки «Пионер» ходят люди. Было стыдно за то, как он разговаривал с водителем, жалко, что он вот так помянул все имя морпеха; и он дал себе зарок, что – хотя никогда его не забудет – больше никому не скажет о комендоре-сержанте Миллере Джонсе. Как только они тронулись, залез в вещмешок и протянул Ирскеллу одну пинту и немецкий «Люгер». На пистолет он променял японский церемониальный меч, на базе в Мэриленде сразу перед увольнением.

– Это вроде как пушка, из которой Гитлер вышиб себе мозги, – сказал Уиллард, пряча улыбку.

– Брехня, – бросил Ирскелл. Уиллард рассмеялся.

– Что? Думаешь, нагрели меня?

– Ха! – сказал старик. Отвернул крышку с бутылки, надолго присосался, передернулся. – Господи, хорошая штука.

– Пей-пей. У меня в сумке еще три, – Уиллард открыл новую пинту и закурил. Высунул руку в окно. – Как там мама моя?

– Ну, надо сказать, когда прислали тело Малого Карвера, она немного головой тронулась. Но сейчас вроде ничего, – Ирскелл сделал еще глоток и поставил пинту между ног. – За тебя даже переживала, а так ничего.

Они медленно взбирались по холмам к Коул-Крику. Ирскеллу хотелось послушать про войну, но племянник весь следующий час только и говорил, что о какой-то женщине, кото-

рую встретил в Огайо. Ирскелл в жизни не слышал, чтобы Уиллард столько говорил. Хотелось спросить, правда ли, япошки едят своих покойников, как пишут в газете, но он решил, что это может и подождать. А кроме того, нужно было следить за дорогой. Очень уж хорошо пошел виски, да и глаза не те, что прежде. Эмма давно ждала возвращения сына, и обидно будет, если он врежется и прикончит их обоих до того, как она его увидит. При этой мысли Ирскелл усмехнулся про себя. Его сестра была самым богобоязненным человеком, что он встречал, но она пойдет за ним хоть в самый ад, чтобы за это расквитаться.

– И что тебе так нравится в этой девушке? – спросила Уилларда Эмма Рассел. Когда они с Ирскеллом припарковали «форд» у подножия холма и поднялись по тропинке в маленький сруб, было уже под полночь. Стоило ему войти в дверь, как она не могла успокоиться – все ощупывала его, промочила воротник формы слезами. Он смотрел через ее плечо, как дядя улизнул на кухню. Мать поседела с тех пор, как Уиллард видел ее в последний раз.

– Я бы попросила тебя встать со мной на колени и возблагодарить Иисуса, – сказала она, стирая слезы подолом фартука, – но чувствую, как от тебя пахнет алкоголем.

Уиллард кивнул. Его растили с верой, что с Богом не дело разговаривать в нетрезвом виде. Человек всегда должен быть искренним с Творцом на случай, если когда-нибудь действительно окажется в нужде. В это верил даже отец Уилларда, Том Рассел – самогонщик, которого неудачи и беды изводили до самого дня, когда он умер от больной печени в паркерсбергской тюрьме. Каким бы ни было отчаянным положение – а старик хлебнул их с лишком, – он не просил помощи Всевышнего, если принял хоть каплю.

– Ну, пойдём на кухню, – сказала Эмма. – Поешь, а я поставлю кофе. Я приготовила тебе мясной рулет.

К трем утра они с Ирскеллом раздавили на двоих четыре пинты, заполировали стаканчиком самогона и теперь трудились над последней бутылкой из магазина. В голове Уилларда стоял туман, язык заплетался, хотя, очевидно, он все же упомянул матери об официантке, которую видел в закускойной.

– Что-что спрашиваешь? – сказал он.

– Девушка, о которой ты говорил, – ответила она. – Что тебе в ней нравится? – Она наливала ему новую чашку горячего кофе из ковшика. Хотя язык онемел, он не сомневался, что уже не раз его обжег. Комнату освещала керосиновая лампа на балке. На стене колебалась широкая тень матери. Он пролил кофе на клеенку на столе. Эмма покачала головой и поискала за спиной тряпку.

– Всё, – сказал он. – Ты бы ее видела.

Эмма списала это на виски, но заявление сына о том, что он встретил какую-то женщину, все равно ее встревожило. Милдред Карвер – самая добрая христианка во всем Коул-Крике – каждый день молилась за своего Малого, но его все равно прислали домой в гробу. А те, кто его несли, потом говорили, будто в гробу и не было ничего – таким он казался легким, – и как только Эмма услышала об этом, то сразу принялась искать знаки, которые подсказали бы, как обеспечить сохранность Уилларда. Она все еще их искала, когда в пожаре сгорела семья Хелен Хаттон, так что бедняжка осталась совсем одна. Два дня спустя после долгих раздумий Эмма встала на колени и пообещала Богу: если Он вернет сына домой живым, то она проследит, чтобы он женился на Хелен и позаботился о ней. Но теперь, глядя на кухне на его темные кудри и точеные черты, она поняла, как глупо было раздавать обещания сгоряча. Хелен носила грязный чепец, повязанный под квадратным подбородком, а ее длинное лошадиное лицо один в один напоминало лицо ее бабушки Рейчел. А эту Рейчел многие считали самой страшной дурнушкой, нога которой когда-либо ступала по холмам округа Гринбрайер. В то время Эмма не думала, что будет, если она не сдержит слово. Вот бы Господь благословил ее безобразным

сыном, сокрушалась теперь она. У Господа странное представление о том, как дать понять о своем недовольстве.

– Внешность – не главное, – заметила Эмма.

– Это кто сказал?

– Заткнись, Ирскелл, – ответила Эмма. – Как, говоришь, звали ту девушку?

Уиллард пожал плечами. Прищурился на картину с Иисусом, несущим крест, которая висела над дверью. С самого момента, как вошел на кухню, он избегал на нее смотреть из страха, что возвращение домой испортят новые мысли о Миллере Джонсе. Но сейчас, всего на миг, он отдался образу. Картина висела там, сколько он себя помнил, пятнистая от возраста, в дешевой деревянной рамке. В мерцающем свете лампы она казалась почти живой. Он так и слышал шелканье хлыстов, издевки солдат Пилата. Уиллард глянул на немецкий «Люгер», лежащий на столе у тарелки Ирскелла.

– Что? Ты даже не знаешь, как ее звать?

– Не спрашивал, – ответил Уиллард. – Но зато оставил ей доллар на чай.

– Такого она не забудет, – сказал Ирскелл.

– Ну, может, стоит помолиться перед тем, как волочиться обратно в Огайо, – предложила Эмма. – Дорога дальняя. – Всю свою жизнь она верила, что люди должны следовать воле Божьей, а не своей. Человек должен верить, что все в этом мире будет так, как должно. Но потом Эмма утратила эту веру, начала торговаться с Господом, будто Он не больше чем коннозаводчик с табаком за щекой или чумазый коробейник, продающий вразнос мятые миски. Теперь, как бы все ни повернулось, она должна хотя бы попытаться выполнить свою сторону уговора. А потом вверить дело в Его руки. – От этого же вреда не будет, да? Если помолиться? – Она отвернулась и накрыла остатки мясного рулета чистым полотенцем.

Уиллард подул на кофе, потом отпил и скривился. Он думал об официантке, о крошечном, едва заметном шраме над ее левой бровью. Две недели, решил он, а потом он поедет и поговорит с ней. Взглянул, как дядя пытается свернуть папиросу. Кисти у Ирскелла были заскорузлые, сведенные артритом, с костяшками размером с четвертаки.

– Нет, – подлил Уиллард капельку виски себе в чашку, – вреда не будет.

2

В четверг Уиллард сидел в одиночестве на задней скамейке в церкви Святого Духа в Коул-Крике и трясся от похмелья. Было почти семь тридцать вечера, но служба еще не началась. Шел четвертый вечер ежегодных церковных бдений, которые длились целую неделю и были направлены в основном на грешников и тех, кто еще не достиг спасения. Уиллард жил дома уже больше недели и лишь сегодня впервые просох. Вчера ночью они с Ирскеллом ходили в «Льюис-театр», посмотреть на Джона Уэйна в «Возвращении на Батаан»¹. Он ушел посреди фильма, не выдержав фальши, направился в бильярдную ниже по улице и в итоге влез там в драку. Сейчас он очнулся и огляделся, размял ноющие пальцы. Эмма все еще беседовала перед скамьями с другими прихожанками. Вдоль стен висели чадающие лампы; справа на середине прохода стояла выдавшая виды деревянная плита. Сосновые скамьи за двадцать лет богослужений стали гладкими. Церковь была по-прежнему пропитана духом смирения, но Уиллард боялся, что сам сильно изменился с тех пор, как отправился за океан.

Преподобный Альберт Сайкс заложил церковь в 1924 году, вскоре после того как в угольной шахте случился обвал и его погребло во мраке с двумя другими шахтерами – те погибли мгновенно. Ему же переломало обе ноги в нескольких местах. Преподобный умудрился выудить пачку жевательного табака «Файв Бразерс» из кармана Фила Друри, но до бутерброда с маслом и вареньем, который, как он знал, лежит в куртке у Берла Медоуса, дотянуться не удалось. На третью ночь, говорил он, его коснулся Святой Дух. Сайкс понял, что скоро присоединится к товарищам, уже смердящим смертью, но это теперь ничего не значило. Несколько часов спустя, пока он спал, спасатели разобрали завал. На миг он поверил, что бьющий в глаза свет их фонарей есть сияние лика Господня. Хорошая история для проповеди, и после этого момента всегда следовало хоровое «аллилуйя». Уилларду казалось, за годы он уже раз сто слышал, как старый священник об этом рассказывает, хромя взад-вперед перед лакированной кафедрой. В конце Сайкс всегда доставал из поношенной куртки пустую пачку «Файв Бразерс», поднимал к потолку в ладонях. Он ее всюду с собой таскал. Многие женщины в окрестностях Коул-Крика – особенно у кого мужья и сыновья работали на шахтах – почитали ее едва ли не за религиозную святыню и при каждом случае лобызали. Факт – Мэри Эллен Томпсон на смертном одре просила, чтобы послали не за доктором, а за пачкой.

Уиллард смотрел, как его мать разговаривает с тощей девушкой в очках с тонкой оправой, криво сидящих на длинном худом лице, в поблекшем синем чепце, повязанном под острым подбородком. Через пару минут Эмма взяла ее за руку и повела туда, где сидел Уиллард. «Я попросила, чтобы Хелен посидела с нами», – сказала Эмма сыну. Он встал и пропустил их, и, когда девушка прошла мимо, у него заслезились глаза от запаха застарелого пота. В руках она сжимала облезлую кожаную Библию и за все время знакомства так и не подняла головы. Теперь он понимал, почему в последние дни мать только и твердила, что красота – не главное. В большинстве случаев он бы согласился, что дух важнее плоти, но черт – даже дядя Ирскелл время от времени мыл под мышками.

В церкви не было колокола, так что преподобный Сайкс перед началом службы вышел к открытой двери и созвал всех, кто еще слонялся снаружи – курил, сплетничал или не решался войти. Маленький хор – двое мужчин и три женщины – встал и пропел псалом «Грешник, ты лучше готовься». Потом Сайкс встал за кафедру. Оглядел собравшихся, белым платком стер со лба испарину. На скамьях сидели пятьдесят восемь человек. Он пересчитал дважды. Преподобный не был алчен, но надеялся, что сегодня корзинка соберет доллара три-четыре. Последнюю неделю они с женой питались одними галетами да жилистым беличьим мясом.

¹ Американский фильм 1945 года режиссера Эдварда Дмित्रика о войне с японцами на Филиппинских островах.

– Фух, ну и жара, – изрек он с ухмылкой. – Но будет еще жарче, верно? Особенно тем, кто не в ладах с Господом.

– Аминь, – сказал кто-то.

– Еще как, – поддакнул кто-то другой.

– Ну, – продолжал Сайкс, – скоро мы об этом позаботимся. Сегодня службу прочтут два паренька из-под Топпервиля: как мне все говорят, они несут благую весть, – он бросил взгляд на двух незнакомцев в тени сбоку от алтаря, скрытых от паствы обтрепанным черным занавесом. – Брат Рой и брат Теодор, выходите и помогите нам спасти пропащие души, – пригласил он их мановением руки.

Один – высокий и худой – встал и выкатил из-за занавеса к центру алтаря второго – толстяка в скрипучей коляске. На том, что со здоровыми ногами, был мешковатый черный костюм и тяжелые стоптанные башмаки. Русые волосы зализаны маслом, впалые щеки – рябые и лиловые из-за шрамов от угрей.

– Меня зовут Рой Лаферти, – заговорил он негромко, – а это мой кузен – Теодор Дэниэлс, – калека кивнул и улыбнулся собравшимся. Постриженный под горшок, на коленях он держал раздолбанную гитару. Его комбинезон покрывали латки из лоскутьев кормового мешка, а худые ноги скручивались под острыми углами. На нем были грязная белая рубашка и галстук с яркими цветами. Позже Уиллард говорил, что один походил на Князя тьмы, а второй – на опустившегося клоуна.

В тишине брат Теодор закончил настраивать струну на гитаре. Одни зевали, а другие начали перешептываться, уже ерзя от нетерпения: служба двух гостей столь жалкого и забитого вида наверняка будет скучной. Уиллард пожалел, что не может улизнуть на стоянку, пока все не началось, и найти кого-нибудь с пузырем. Ему всегда было неловко славить Господа в компании незнакомцев, набившихся в одно здание.

– Сегодня, люди добрые, мы не будем пускать корзину, – наконец сказал брат Рой, когда калека кивнул, что готов. – Нам не надо денег за богоугодное дело. Мы с Теодором, если придется, можем жить на одной благодати Божьей, и, поверьте, нам такое уже не впервой. Души спасают не за жалкий доллар, – Рой взглянул на старика-священника, который выдавил хилую улыбку и нехотя кивнул. – А теперь мы или призовем в эту церковь Святого Духа, или – я вам клянусь, – умрем, – и тут толстяк ударил по струнам, а брат Рой распрямылся и исторг столь высокий и жуткий вой, что, должно быть, содрогнулись бы сами небесные врата. Половина паствы чуть с мест не повскакивала. Уиллард усмехнулся, почувствовав, как рядом вздрогнула мать.

Молодой священник заметался по центральному проходу, громогласно вопрошая: «Чего вы больше всего боитесь?» Он размахивал руками и живописал мерзости ада: грязь, ужас и отчаяние – и вечность, лежащую у всех впереди.

– Если ваш главный страх – крысы, то уж Сатана их на вас не пожалеет. Они, братья и сестры, будут жрать вам лицо, пока вы будете лежать, не в силах против них и пальцем пошевелить, и конца тому не будет. Миллион лет в вечности – это вам не то, что один день здесь, в Коул-Крике. Даже не пытайтесь представить. Никакому человеческому разуму не измыслить такие мучения. Помните семью из Миллерсберга, которую в прошлом году зарезали в собственных постелях? Которым сумасшедший вырезал глаза? Представьте, что так вас пытаются триллион лет – это миллион миллионов, люди добрые, я узнавал, – а умереть не дают. Выколупывают зенки из глазниц окровавленным ножом, снова и снова, целую вечность. Надеюсь, те несчастные были в ладах с Господом, когда к ним в окно влез маньяк, ох как надеюсь. И воистину, братья и сестры, мы не можем даже вообразить способы, которыми дьявол будет нас пытаться, – нет на свете такого злодея, даже пресловутый Гитлер не сравнится с тем, как в Судный день Сатана заставит грешников за все расплатиться.

Пока брат Рой проповедовал, Теодор поддерживал на гитаре ритм, совпадающий с потоком слов, и взглядом следил за каждым движением напарника. Рой приходился ему двоюродным братом по материнской линии, но иногда толстяк жалел, что они близкие родственники. Хоть Теодор и рад был возможности проповедовать вместе с ним Евангелие, он уже давно таил другие чувства, которые никак не мог замолить. Он знал, что сказано по этому поводу в Библии, но так и не смирился, что Господь считает подобное грехом. Любовь есть любовь, полагал Теодор. Черт, да разве он не доказал Господу, что любит Его больше всех? Принимал яд, пока не остался инвалидом, показал Господу, как крепка его вера, – хотя иногда теперь поневоле задумывался, что малость перестарался. Но пока что у него был Бог, был Рой и была гитара, а ничего другого в этом мире ему и не надо, пусть даже нельзя снова встать и пойти. А если Теодору придется доказать Рою, как сильно он его любит, то он с радостью сделает все, что тот попросит. Бог есть Любовь; Он всюду и во всем.

Потом Рой снова взобрался на алтарь и достал из-под коляски Теодора трехлитровую банку. Все чуть придвинулись на скамьях. Внутри копошилось что-то темное. Кто-то воскликнул: «Славься, Господи!» – а Рой ответил:

– Правильно, друг мой, правильно, – поднял банку и с силой встряхнул. – Позвольте, люди добрые, кое-что вам показать, – продолжал он. – Прежде чем обрести Святого Духа, я до одури боялся пауков. Верно, Теодор? С тех самых пор, как еще прятался у матери под юбками. Пауки ползали в моих снах и откладывали яйца в кошмарах, и я не мог даже на двор до ветру выйти без того, чтобы меня не держали за руку всю дорогу. Всюду поджидали они в своей паутине. Ужасная жизнь, в вечном страхе, во сне и наяву. А это и есть ад, братья и сестры. Не давали мне покоя восьминогие дьяволы. Пока не обрел я Господа.

Потом Рой пал на колени и снова поболтал банкой, а затем открутил крышку. Теодор замедлил музыку, пока не звучала одна только заунывная, зловещая нота, пронзившая зал как кинжал и поднявшая дыбом волосы. Воздев над собой банку, Рой оглядел прихожан, набрал воздуха и перевернул на себя. На голову и плечи высыпалась целая куча всевозможных пауков: и коричневых, и черных, и в желто-рыжую полоску. Потом по телу электрическим током пробежала дрожь, он встал и грохнул банку об пол – только осколки брызнули во все стороны. Снова издал жуткий вопль и затряс руками и ногами, а пауки падали на пол и расползались во всех направлениях. Какая-то дама в вязаной шали подскочила и зашпешила к двери, некоторые завопили, и во всеобщем переполохе Рой выступил вперед – потное лицо все еще в пауках – и прокричал:

– Помогите мои слова, люди добрые: Господь – Он лишит вас страхов, коли вы Ему позволите. Смотрите, что Он сделал для меня.

Потом поперхнулся и сплюнул что-то черное.

Еще одна женщина начала колотить по платью с криками, что ее укусили, а пара детей ударилась в слезы. Преподобный Сайкс бегал туда-сюда, пытаясь восстановить хоть какой-то порядок, но люди уже в панике ринулись к узкой двери. Эмма взяла Хелен под руку, чтобы увести из церкви. Но девушка отмахнулась и вышла в проход. Она прижимала Библию к плоской груди, не сводя глаз с брата Роя. Все еще наигрывая на гитаре, Теодор наблюдал, как его кузен небрежно стряхнул паука из-за уха, а потом улыбнулся хрупкой простушке. Не прекращал играть, пока не увидел, как Рой обеими руками манит к себе эту суку.

По дороге домой Уиллард сказал:

– Блин, с пауками они, конечно, здорово придумали. – Он убрал правую руку от руля и легонько коснулся пальцами дряблого предплечья матери – словно кто-то ползет.

Она взвизгнула и шлепнула по руке.

– Кончай. Я и так теперь не усну.

– Слышала уже проповеди этого парня?

– Нет, но в церкви в Топпервиле какие только безумства не вытворяют. Преподобный Сайкс небось уже жалеет, что вообще их пригласил. Этот, который в коляске, перепил то ли стрихнина, то ли антифриза, потому и ходить не может. Куда это годится. Говорят, так они испытывают веру. Но как по мне, это уж слишком, – она вздохнула и опустила голову на спинку сиденья. – Жалко, Хелен с нами не поехала.

– Ну зато эту проповедь никто не проспал, тут ничего не скажешь.

– Знаешь, – сказала Эмма, – она бы поехала, если бы ты обратил на нее внимание.

– О, как по мне, брат Рой так на нее обратит внимание, что мало не покажется.

– Этого я и боюсь.

– Мам, я через день-другой собираюсь обратно в Огайо. Ты же знаешь.

Эмма пропустила все мимо ушей.

– Кому-то Хелен станет хорошей женой, это уж непременно.

Через несколько недель после того как Уиллард отправился в Огайо искать официантку, в дверь к Эмме постучала Хелен. Начинался теплый ноябрьский день. Старушка сидела в передней, слушала радио и который раз перечитывала письмо, пришедшее утром. Неделю назад Уиллард женился на официантке. Они останутся в Огайо – по крайней мере, пока. Он нашел работу на фасовочной фабрике, писал, что в жизни не видел столько свиней. Человек по радио пенял из-за погоды не по сезону на атомные бомбы, сброшенные ради победы в войне.

– Решила сказать вам первой, потому что знаю, как вы обо мне заботились, – заговорила Хелен. Эмма впервые видела ее без чепца.

– Что сказать, Хелен?

– Рой сделал мне предложение, – ответила она. – Он сказал, Бог дал ему знак, что мы предназначены друг для друга.

Стоя в дверях с письмом Уилларда в руке, Эмма думала об обещании, которое не смогла сдержать. Она со страхом ожидала какого-нибудь несчастного случая или ужасной болезни, но пришли хорошие новости. Может, в конце концов все будет хорошо. Эмма почувствовала, что в глазах туманится от слез.

– Где вы будете жить? – спросила она, не зная, что еще сказать.

– Так у Роя в Топпервиле есть дом за заправкой, – ответила Хелен. – Теодор будет жить с нами. Ну, какое-то время.

– Который на коляске?

– Да, мэм, – кивнула Хелен. – Они уже давно вместе.

Эмма вышла на крыльцо и обняла девушку. От той слегка пахло мылом «Айвори», словно она недавно принимала ванну.

– Хочешь зайти и посидеть?

– Нет, мне пора, – сказала Хелен. – Меня Рой ждет, – Эмма глянула ей через плечо. Ниже по склону холма, на обочине за старым «фордом» Ирселла, стояла навозного цвета машина в форме черепахи. – Сегодня вечером он проповедует в Миллерсберге – это где людям вырезали глаза. Мы все утро собирали пауков. Слава богу, по такой погоде их найти легче легкого.

– Береги себя, Хелен.

– О, не переживайте, – ответила девушка, спускаясь с крыльца, – не такие уж они и плохие, как привыкнешь.

3

Весной 1948 года до Эммы дошла из Огайо весточка, что теперь она бабушка: жена Уилларда родила здорового мальчика по имени Эрвин Юджин. К этому времени старушка уже верила, что Бог простил ее за мимолетную утрату веры. Прошло почти три года – и ничего плохого не случилось. Месяц спустя она все еще благодарила Господа, что ее внук не родился слепым гидроцефалом, как трое детей Эдит Максвелл в Спад-Ране, но вдруг на пороге появилась Хелен с собственными новостями. Эмма редко видела девушку с тех пор, как та вышла за Роя и переехала к церкви в Топпервиле.

– Хотелось заглянуть и рассказать, – объявила Хелен. Руки и ноги ее были бледные и худые, но живот набух из-за ребенка.

– Господи милосердный, – воскликнула Эмма, отодвигая дверную ширму. – Заходи, милая, отдохни.

Был уже вечер, и заросший двор накрывали серо-голубые тени. Под крыльцом тихо квохтал цыпленок.

– Я сейчас не могу.

– Ой, куда спешить-то? Давай что-нибудь тебе сготовлю, – предложила старушка. – Мы сто лет не говорили.

– Спасибо, миссис Рассел, но, может, в другой раз. Мне надо возвращаться.

– Рой сегодня проповедует?

– Нет, – сказала Хелен. – Он уже пару месяцев не проповедует. Вы не слышали? Его паук укусил. Голова раздулась как тыква. Такая жуть. Неделю глаз не мог открыть.

– Ну, – протянула старушка, – может, ему обратиться в электрокомпанию? Мне говорили, там ищут работников. Не сегодня-завтра проведут здесь электричество.

– Ой, это вряд ли, – сказала Хелен. – Рой не бросил проповеди, просто ждет послания.

– Послания?

– Ему давно не было послания, и он уже волнуется.

– От кого послания?

– Ну, от Господа, от кого же еще, миссис Рассел. Рой слушает только Его, – она начала сходить с крыльца.

– Хелен?

Девушка остановилась и обернулась.

– Да, мэм?

Эмма помялась, не зная, что сказать. Посмотрела за девушку, на машину навозного цвета у подножья холма. За рулем она различила темную фигуру.

– Мать из тебя хорошая выйдет, – сказала она.

После паучьего укуса Рой почти не выходил из спальни – все ждал знака. Он верил, что Господь его приостановил, чтобы подготовить для чего-то большего. Что до Теодора, для него последней каплей стало, когда эта сучка залетела от Роя. Он запил и подолгу не бывал дома, играл в частных клубах и подпольных притонах, укрытых в захолустье. Выучил с десяток греховных песен о женах-изменщицах, хладнокровных убийствах и жизни за тюремной решеткой. С кем бы он ни проводил ночи, обычно собутыльники бросали его перед домом пьяным и обоссавшимся; и Хелен приходилось вставать ни свет ни заря и затаскивать его внутрь, а он тем временем проклинал и ее, и свои больные ноги, и этого недосвященника, с которым она трахалась. Скоро она начала бояться их обоих и поменялась комнатами с Теодором, чтобы он спал в большой кровати рядом с чуланом Роя.

Однажды, спустя долгие месяцы после рождения малышки – девочку назвали Ленорой, – Рой вышел из спальни, уверовав, что может воскрешать мертвых.

– Блин, да ты ебанулся, – сказал Теодор. Он пил теплое пиво из банки, чтобы не болел живот. На коленях у него лежал маленький металлический рашпиль и отвертка «Крафтсмен». Прошлой ночью он восемь часов подряд лабал на дне рождения в «Голодном ущелье» за десять долларов и литр русской водки. Какой-то урод все измывался над его увечьем, вытаскивал из кресла, чтобы станцевать. Теодор отставил пиво и снова принялся затачивать конец отвертки. Он ненавидел весь белый свет. Когда на него полезут в следующий раз, сукин сын останется с дыркой в брюхе. – Ничего у тебя больше не осталось, Рой. Бросил тебя Господь – так же, как меня. – Нет, Теодор, нет, – ответил Рой. – Неправда. Я только что с Ним говорил. Буквально десять минут назад Он сидел тут прямо со мной. И Он совсем не как на картинках. Например, никакой бороды.

– Рехнулся на хрен, – буркнул Теодор.

– Давай докажу!

– Это как же?

Рой шагал туда-сюда пару минут, двигая руками, будто набирался вдохновения из воздуха.

– Пойдем убьем кошку, – сказал он, – и я покажу, что могу ее оживить.

Кошки были самым большим страхом Роя после пауков. Мать всегда ему говорила: когда он лежал в колыбели, она поймала одну, пока та пыталась высосать из него жизнь. За годы Рой с Теодором зарезали уже не один десяток кошек.

– Шутишь? – рассмеялся Теодор. – Кошку драную? Нет уж, если хочешь, чтобы я тебе теперь поверил, давай что посерьезнее. – Он попробовал большим пальцем конец отвертки. Острая.

Рой отер пот с лица грязными детскими подгузниками.

– А что тогда?

Теодор бросил взгляд в окно. Во дворе стояла Хелен с розоволицым оглоедом на руках. Этим утром она снова раскричалась на Теодора: устала, мол, что он постоянно будит малышку. В последнее время она вообще часто его пилила – слишком часто, на его вкус. Черт, да если бы не деньги, которые он приносит домой, они бы все с голоду перемерли. Теодор лукаво взглянул на Роя.

– Как насчет оживить твою Хелен? Тогда-то будем знать наверняка, что ты не просто бредишь.

Рой бешено затряс головой.

– Нет-нет, не могу!

Теодор усмехнулся, взял банку пива.

– Видал? Так и знал, что ты только пиздеть горазд. Как всегда. Ты такой же проповедник, как та пьянь, для которой я каждый вечер лабаю.

– Не надо так, Теодор, – укорил Рой. – Зачем ты так говоришь?

– Потому что все у нас было хорошо, черт тебя дерит, и надо было тебе взять и жениться. Тут из тебя весь свет и ушел, а ты слишком тупой, чтобы это понять. Покажи, что свет к тебе вернулся, и мы снова понесем Слово Божье.

Рой вспомнил свой разговор в чулане – Божий глас в голове, чистый, как колокольный звон. Выглянул в окно на жену – та стояла у почтового ящика и нежно напевала ребенку. Может, в чем-то Теодор и прав. Как-никак, говорил себе Рой, Хелен в ладах с Господом – насколько он знал, всегда так было. Это же только на руку, если речь о воскрешении. И все-таки сперва бы потренироваться на кошке.

– Надо подумать.

– Но чтоб без мухлежа, – сказал Теодор.

– Мухлевать нужно только дьяволу, – Рой отпил из кухонной раковины – только чтоб губы промочить. Освежившись, решил помолиться еще и направился в спальню.

– Если справишься, Рой, – сказал Теодор, – во всей Западной Виргинии не найдется такой большой церкви, чтобы вместила всех, кто захочет послушать твои проповеди. Блядь, да ты будешь известней Билли Сандэя².

Несколько дней спустя Рой попросил Хелен оставить ребенка у ее подруги – этой самой Рассел, – чтобы прокатиться. «Хочется выбраться из вонючего дома, – объяснил он. – Обещаю, с чуланом я покончил». Хелен была только рада; Рой вдруг снова стал похож на себя, заговорил о том, чтобы когда-нибудь вернуться к проповедям. Более того – Теодор перестал уходить по ночам, принялся разучивать новые религиозные песни и перешел на кофе. Даже несколько минут подержал малышку на руках, чего никогда раньше не делал.

Передав Ленору Эмме, тридцать минут они ехали до леса в нескольких милях к востоку от Коул-Крика. Рой остановился и попросил Хелен с ним прогуляться. Теодор был на заднем сиденье, прикидывался спящим. Пройдя всего несколько метров, Рой сказал: «Наверно, сперва лучше помолиться». Ранее они с Теодором поспорили на этот счет – Рой говорил, что хочет уединиться с женой, а калека настаивал, что хочет лично видеть, как она испустит дух, чтобы убедиться, что все без притворства. Когда они встали на колени под буком, Рой достал из-под мешковатой рубашки отвертку Теодора. Положил руку на плечо Хелен и прижал ее к себе. Приняв это за проявление нежности, Хелен обернулась, чтобы поцеловать мужа, когда он вогнал острый конец ей в шею по самую рукоятку. Отпустил, и она упала на бок, потом поднялась, лихорадочно хватаясь за отвертку. Стоило выдернуть ее из горла – из дырки брызнула кровь и залила Рою весь перед рубашки. Теодор смотрел из окна, как она пытается уползти. Хелен прошла всего несколько футов, потом упала в листья и билась минуту-другую. Было слышно, как она несколько раз звала Ленору. Теодор закурил и подождал пару минут, потом выбрался из машины.

Три часа спустя Теодор сказал:

– Ничего не выйдет, Рой.

Он сидел в коляске в нескольких футах от тела Хелен, зажавшей в кулаке отвертку. Рой стоял подле жены на коленях, держал за руку и все еще уговаривал вернуться к жизни. Сперва его мольбы разносились по лесу, преисполненные веры и пыла, но чем дольше он не видел движения в холодном теле, тем они становились путаней и исковерканней. Теодор чувствовал, как подступает головная боль. Пожалел, что не прихватил выпить.

Рой обернулся на кузена-инвалида со слезами на глазах.

– Господи, кажется, я ее убил.

Теодор придвинулся и прижал к ее лицу тыльную сторону чумазой ладони.

– Мертвая, так и есть.

– Не трожь! – вскрикнул Рой.

– Я помочь пытаюсь.

Рой ударил по земле кулаком.

– Все должно было быть не так.

– Жаль говорить, но если тебя за это поймут, то поджарят в Маундсвиле, как бекон.

Рой покачал головой, утер рукавом соплю из-под носа.

– Не пойму, что пошло не так. Я же был уверен... – Голос прервался, и он отпустил ее руку.

– Бля, ну просчитался, бывает, – сказал Теодор. – С каждым могло случиться.

– Черт, и что же мне теперь делать? – спросил Рой.

² Уильям Эшли Сандэй (1862–1935) – известный американский бейсболист и по совместительству религиозный проповедник. Его проповеди отличались зрелищностью и экспрессивной подачей и собирали толпы зрителей. (Прим. пер.)

– Всегда можно бежать, – посоветовал Теодор. – Единственный умный поступок в таком положении. В смысле – бля, чего тебе терять-то?

– Куда бежать?

– Я тут как раз прикинул и решил, что наша развалюха дотянет до Флориды, если не загонять.

– Не знаю.

– Все ты знаешь, – ответил Теодор. – Слушай, как доберемся – продадим машину и снова начнем проповедовать. Чем и надо было заниматься все это время. – Он посмотрел на бледную окровавленную Хелен. Теперь с ее нытьем покончено. Он почти жалел, что не сам ее убил. Это ведь она все испортила. Теперь бы у них уже была собственная церковь, а то и передача на радио.

– Мы?

– Ну да, – сказал Теодор, – тебе же нужен гитарист? – Он уже давно мечтал отправиться во Флориду, поселиться у океана. Трудно жить калекой, когда вокруг одни паршивые холмы да деревья.

– А с ней что? – Рой показал на тело Хелен.

– Придется закопать ее поглубже, братец, – сказал Теодор. – Я закинул в багажник лопату на случай, если все пойдет не так, как ты думал.

– А Ленора?

– Поверь, ребенку лучше со старушкой, – сказал Теодор. – Ты же не хочешь, чтобы твоя дочка росла в бегах? – Он поднял взгляд на деревья. Солнце исчезло за стеной темных туч, и небо стало пепельно-серым. В воздухе висел сырой запах дождя. Из-за Рокки-Гэпа донесся медленный и слабый раскат грома. – А теперь лучше начинай копать, пока нас тут не залило.

Когда в ту ночь вернулся Ирскелл, Эмма сидела в кресле у окна и качала Ленору. Было почти одиннадцать, и буря только-только начала успокаиваться.

– Хелен сказала, их всего пару часов не будет, – сказала старушка. – Оставила только одну бутылочку молока.

– А, ты же знаешь этих священников, – отмахнулся Ирскелл. – Небось времени не теряли, заложили где-нибудь за воротник. Черт, как я слышал, этот калека меня два раза перепьет.

Эмма покачала головой.

– Жаль, у нас нет телефона. Что-то беспокойно на душе.

Старик всмотрелся в спящего младенца.

– Бедняжка, – сказал он. – Вся в мать, да?

4

Когда Эрвину было четыре, Уиллард решил, что его сын не будет расти в Миде, среди дегенератов. С самой свадьбы они жили в старой квартире Шарлотты над химчисткой. Ему казалось, в Миде поселились все извращенцы южного Огайо. В последнее время в газетах только и печатали что об их диких похождениях. Всего два дня назад в «Сирсе и Рой-баке» арестовали некоего Кельвина Клейтора с палкой польской колбасы, приклеенной к бедру. Если верить «Мид газетт», подозреваемый в одном только рваном комбинезоне терся о пожилых женщин – по выражению репортера, в «похотливой и агрессивной манере». Если спросить Уилларда, этот сукин сын Клейтор даже хуже, чем отставной депутат, которого на шоссе у окраины города шериф застал с петухом, насаженным на гениталии, – род-айлендским красным, купленным за пятьдесят центов на ближайшей ферме. Пришлось везти депутата в больницу, чтобы срезать петуха. Люди говорили, по дороге к скорой помощи – из уважения к другим пациентам или, возможно, к жертве – помощник шерифа накрыл петуха форменной курткой.

– А ведь этот козел лез к чьей-то матери, – сказал Уиллард Шарлотте.

– Кто из них? – спросила та. Она стояла у плиты и помешивала в кастрюле спагетти.

– Господи, Шарлотта, который с колбасой. В глотку бы ему эту колбасу засунуть.

– Не знаю, – сказала жена. – По-моему, это не так плохо, как шалить с животными.

Уиллард взглянул на Эрвина – он сидел на полу и возился с игрушечным грузовиком. По всем признакам страна катилась в ад. Два месяца назад мать написала, что тело Хелен Лаферти – ну, или то, что от него осталось, – наконец нашли в могиле в лесу в нескольких милях от Коул-Крика. Он читал это письмо каждый вечер всю неделю. Шарлотта заметила, что после этого Уиллард все больше расстраивается из-за новостей в газете. Хотя Рой и Теодор были главными подозреваемыми, почти три года их никто не видел, так что шериф не мог исключить возможность, что их тоже убили и где-то спрятали. «Мы не знаем, может, это тот же, который тогда зарезал людей в Миллерсберге, – сказал шериф, когда пришел к Эмме с новостями о том, что пара искателей женьшеня вышла на могилу Хелен. – Может, он убил девушку, а потом парней разрубил на кусочки и разбросал. Тот, в коляске, легкая добыча, да и про второго все знают, что ему не хватало соображения и мочу из башмака вылить».

Несмотря на то что говорили законники, Эмма была убеждена: эти двое живы и виновны, и она не успокоится, пока они не окажутся за решеткой или на том свете. Она писала Уилларду, что растит девочку как может. Он послал сто долларов на приличные похороны. Глядя на сына, Уиллард вдруг испытал неистовое желание помолиться. Хотя он не общался с Богом много лет – ни единой просьбы или хвалы с тех пор, как во время войны нашел распятого морпеха, – все же чувствовал, как теперь в нем нарастает позыв примириться с Творцом, пока с семьей не случилось ничего плохого. Но оглядывая тесную квартирку, он понимал, что достучаться до Бога здесь не легче, чем в церкви. Чтобы молиться по-своему, ему нужен лес.

– Надо убираться отсюда, – сказал он Шарлотте, положив газету на кофейный столик.

За тридцать долларов в месяц они сняли ферму на вершине Митчелл-Флэтса у Генри Делано Данлэпа – пухлого женственного юриста с безупречно отполированными ногтями, который жил рядом с мидским загородным клубом и занимался недвижимостью в качестве хобби. Хотя сперва Шарлотта протестовала, скоро она влюбилась в ветхий дом с протекающей крышей. Она даже была не против качать воду из колодца. Спустя пару недель после переезда она уже говорила о том, чтобы когда-нибудь его купить. Ее отец умер от туберкулеза, когда ей было всего пять, а мать скончалась от кровяной инфекции сразу после того, как Шарлотта перешла в девятый класс. Всю жизнь она жила в мрачных квартирах с тараканами, с еженедельной или ежемесячной платой. Единственной ее живой родственницей была сестра, Фил-

лис, но Шарлотта давно уже потеряла ее из поля зрения. Однажды, шесть лет назад, Филлис явилась в «Деревянную ложку» и вручила Шарлотте ключ от трехкомнатной квартиры над химчисткой на Уолнат-стрит, где они жили вместе. «Ну, сестренка, – сказала она, – тебя я вырастила, а теперь моя очередь», – и скрылась за дверью. Собственная ферма значила наконец хоть какую-то стабильность в жизни – то, о чем Шарлотта мечтала больше всего, особенно теперь, когда стала матерью. «Эрвину нужно место, которое он всегда сможет назвать домом, – говорила она Уилларду. – У меня такого не было». Каждый месяц они пытались наскрести на взнос очередные тридцать долларов. «Ты только погоди, – твердила она. – Когда-нибудь это место станет нашим».

Однако они обнаружили, что договориться с их землевладельцем не так просто. Уиллард часто слышал, что большинство юристов – злобные и коварные проходимцы, но оказалось, Генри Данлэпу в этом просто нет равных. Как только он узнал, что Расселы заинтересованы в покупке дома, начал играть на их нервах: задирает цены в один месяц, опускать в другой, потом вообще намекает, что передумал продавать. К тому же каждый раз, когда Уиллард приносил в контору взнос – деньги, за которые горбатился на бойне, – юрист любил дотошно расписывать, на что их потратит. По какой-то причине богачу нужно было дать понять бедняку, что эти мятые зеленые бумажки ничего для него не значат. Он ухмылялся Уилларду своими губами цвета печени и хвастался, что этого едва хватит на пару славных стейков для воскресного ужина или на мороженое для приятелей его сына по теннисному клубу. Шли годы, но Генри не надоедало измываться над жильцом; что ни месяц – новое оскорбление, новая причина для Уилларда надрать жирдяю задницу. Единственное, что его сдерживало, – мысль о Шарлотте, о том, как она сидит за кухонным столом с чашкой кофе и в тревоге ждет, когда он вернется без уведомления о выселении. Она напоминала из раза в раз: на самом деле не важно, что болтает это трепло. Богачи всегда думают, что тебе нужно то, что есть у них, но это неправда – по крайней мере, не в случае Уилларда. Пока Уиллард сидел напротив юриста за большим дубовым столом и слушал, как толстяк чешет языком, думал он о молельном бревне, которое устроил в лесу, о мире и покое, которое оно принесет, стоит вернуться домой, поужинать и направиться к нему. Иногда он даже репетировал в уме молитву, какую всегда произносил у бревна после ежемесячного визита в контору: «Спасибо, Господи, что дал мне сил удержать руки от жирной шеи гребаного Генри Данлэпа. И дай сукиному сыну все, что он пожелает в жизни, хотя, должен сознаться, Боже, я бы не прочь увидеть, как он однажды этим подавится».

Чего Уиллард не знал, так это что Генри Данлэп прятал за громкими словами тот факт, что в его жизни царит неразбериха из стыда и страха. В 1943 году, сразу после юридического колледжа, он женился на женщине, которой, как он узнал вскоре после брачной ночи, всегда мало других мужчин. Много лет Эдит трахалась со всеми подряд: с газетчиками, автомеханиками, продавцами, молочниками, друзьями, клиентами, его бывшим партнером – список длился без конца. Он терпел, даже научился мириться, но недавно нанял для ухода за газоном цветного – вместо белого подростка, с которым она спала, – потому что верил, что так низко Эдит не падет. Но не прошло и недели, как он вернулся домой днем без предупреждения и застал ее в гостиной на диване раком, а высокий тощий садовник долбил ее сзади что есть мочи. Она издавала такие звуки, каких Генри Данлэп в жизни не слыхивал. Посмотрев пару минут, он тихо выскользнул и вернулся в контору, где допил бутылку скотча и снова и снова пересматривал эту сцену в голове. Достал из стола «Дерринджер» с серебряной рукояткой и долго созерцал, потом вернул в ящик. Решил, лучше попробовать другие способы разобраться с проблемой. Какой толк вышибать себе мозги, если можно и без этого обойтись. За пятнадцать лет адвокатской практики в Миде он познакомился с людьми в южном Огайо, которые наверняка знали тех, кто поможет избавиться от Эдит за какие-то несколько сотен долларов,

вот только он не мог никому из них доверять. «Незачем торопиться, Генри, – говорил он себе. – Поспешишь – обязательно наебешься».

Пару дней спустя он нанял черного на полную ставку – даже дал прибавку к почасовой оплате на четверть. Он как раз объяснял ему план работ, когда на дорожке остановилась Эдит в своем новом «кадиллаке». Они оба стояли во дворе и смотрели, как она выходит из машины с сумками и идет в дом. На ней были узкие черные слаксы и розовый свитер, выставляющий напоказ большие обвислые сиськи.

Садовник взглянул на юриста, и рябое плоское лицо расплылось в лукавой улыбке. Спустя миг Генри улыбнулся в ответ.

– Тупые как козлы, – говорил Генри своим приятелям по гольфу. Дик Тейлор снова спрашивал о жильцах в Нокемстиффе. Кроме того, чтобы слушать, как Генри хвастается и выставляет себя дураком, другим богачам в Миде от него толку не было. Он стал главным посмешищем загородного клуба. Здесь каждый когда-то трахнул его жену. Эдит уже в бассейне не могла поплавать, чтобы какая-нибудь женщина не попыталась выцарапать ей глаза. Ходили слухи, что теперь она перешла на черное мясо. Не пройдет и года, шутили они, как Данлэпы переедут в Белый Рай – цветной район в западной части города.

– Клянусь, – продолжал Генри, – по-моему, этот чертов пентюх женился на собственной сестре, так они друг друга обхаживают. Но вы бы ее видели, боже. Ее помыть – и цены не будет. Стоит им недоплатить за аренду – прямо так и предложу.

– И что бы ты с ней сделал? – спросил Эллиот Смит, подмигивая Дику Тейлору.

– Бля, я бы нагнул эту милашку и...

– Ха! – рассмеялся Берни Хилл. – Старый кобель, да ты наверняка уже до нее добрался! Генри выбрал ключку из сумки. Вздыхнул и мечтательно взглянул на фервей³, прижимая руку к сердцу.

– Ребята, я обещал ей никому не рассказывать.

Позже, когда они вернулись в клубный дом, в баре к толстому вспотевшему юристу подошел человек по имени Картер Оксли и сказал:

– Ты бы следил за тем, что говоришь об этой женщине.

Генри обернулся и нахмурился. Оксли был новичком в мидском загородном клубе – инженером, который своим трудом поднялся и стал вторым человеком на бумажной фабрике. Берни Хилл взял его в их четверку. За всю игру он и полслова не проронил.

– О какой женщине? – спросил Генри.

– Ты там говорил о Уилларде Расселе, да?

– Да, его зовут Рассел. А что?

– Приятель, дело не мое, но прошлой осенью он чуть не забил человека насмерть голыми руками за то, что тот распускал язык о его жене. У того до сих пор голова не в порядке – сидит с кофейной банкой на шее, чтобы собирать слюни. Так что тебе стоит задуматься.

– Уверен, что мы говорим об одном и том же мужике? Тот, кого я знаю, и слова поперек не скажет.

Оксли пожал плечами.

– Может, он просто из тихих. За такими надо приглядывать больше всего.

– Откуда ты все это знаешь?

– Ты не единственный, кто владеет землей в Нокемстиффе.

Генри достал из кармана золотой портсигар и предложил новенькому сигарету.

– Что еще ты о нем знаешь? – спросил он. Этим утром Эдит сказала, что садовнику надо купить пикап. Она стояла у кухонного окна и ела пышку.

³ Центральная аллея поля для гольфа.

Генри не мог не заметить, что пышка сверху облита шоколадной глазурью. Ей подстать, ебаной шлюхе, думал он. Но зато радовался, что она толстеет. Скоро ее задница в кресло не вломится. Вот пусть тогда садовник ее и долбит. «Необязательно новый, – говорила она. – Просто чтобы ездить. У Уилли слишком большие ноги, чтобы все время ходить на работу пешком. – Она залезла в пачку за новой пышкой. – Боже, Генри, они в два раза больше, чем у тебя».

5

С самого начала года у Шарлотты шалил кишечник. Она убеждала себя, что это просто дизентерия, а может несварение. Ее мать сильно страдала от язв, и Шарлотта помнила, что последние годы жизни та ничего не ела, кроме тостов без всего и рисового пудинга. Шарлотта отказалась от жирного и перченого, но это не помогло. Потом, в апреле, пошла кровь. Шарлотта целыми часами лежала на кровати, пока Эрвина и Уилларда не было дома, и, если свернуться калачиком на боку и не двигаться, колики заметно утихали. Переживая из-за больничных счетов и траты всех сбережений на дом, она хранила боль втайне, глупо надеясь, что все заживет само собой. В конце концов ей только тридцать лет – слишком рано для чего-то серьезного. Но к середине мая отдельные капли крови превратились в ручеек, и, чтобы унять боль, приходилось тайком отпивать из трехлитровой бутылки «Олд Кроу», которую Уиллард держал на кухне под раковиной. Под конец месяца, сразу перед школьными каникулами, Эрвин нашел ее на кухне на полу, в луже водянистой крови. В духовке на противне догорали бисквиты. Телефона у них не было, так что Эрвин подложил ей под голову подушку и прибрался, как умел. Сидя рядом на полу, он слушал ее редкое дыхание и молился, чтобы оно не прекратилось. Она все еще была без сознания, когда вечером с работы вернулся отец. Как сказали Уилларду врачи пару дней спустя, к этому времени уже было поздно. Кто-то где-то всегда умирает, и летом 1958-го – в год, когда Эрвину Юджину Расселу исполнилось десять лет, – пришел черед его матери.

После двух недель в больнице Шарлотта села на койке и сказала Уилларду:

– Кажется, мне снился сон.

– Хороший?

– Ага. – Она слегка сжала его ладонь. Бросила взгляд на белую полотняную перегородку, отделяющую от женщины на соседней койке, понизила голос: – Знаю, похоже на бред, но я хочу вернуться к нам и ненадолго притвориться, что это наш дом.

– И как мы это сделаем?

– Меня здесь так накачивают, – сказала она. – Мне скажи, что я хоть царица Савская, и я не увижу подвоха. Кроме того, ты же слышал, что говорят врачи. Уж чего-чего, а проводить остаток жизни здесь я точно не хочу.

– Сон был об этом?

Она озадаченно посмотрела на него.

– Какой сон?

Два часа спустя они тронулись с больничной стоянки. Когда направились по шоссе 50 к дому, Уиллард остановился и купил молочный коктейль, но тот не задержался в ней надолго. Уиллард отнес жену в заднюю спальню и уложил поудобнее, потом ввел морфин. Глаза у нее остекленели, а через минуту она уснула. «Сиди с матерью, – велел он Эрвину. – Я скоро буду». Прошел через поле, чувствуя холодный ветер на лице. Встал на колени у моленного бревна и прислушался к тихим умиротворяющим звукам вечернего леса. Несколько часов таранился на крест. Рассматривал их горе со всевозможных углов в поисках решения, но всегда упирался в один и тот же ответ. Как говорили врачи, у Шарлотты безнадежный случай. Ей давали пять, самое большее шесть недель. Других вариантов не осталось. Теперь все зависело от него и от Бога.

Когда он вернулся домой, уже темнело. Шарлотта еще спала, а Эрвин сидел у кровати на стуле с прямой спинкой. Было видно, что мальчик без него плакал.

– Просыпалась? – тихо спросил Уиллард.

– Да, – сказал Эрвин, – но, пап, а почему она меня не узнает?

– Это просто из-за лекарств. Через несколько дней ей получшеет.

Мальчик глянул на Шарлотту. Всего пару месяцев назад она была самой красивой женщиной из тех, кого он видел, но теперь красоты почти как не бывало. Он задумался, как она будет выглядеть, когда выздоровеет.

– Может, перекусим? – предложил Уиллард.

Для себя с Эрвином он приготовил бутерброды с яйцом, потом разогрел кастрюлю с бульоном для Шарлотты. Ее стошнило, и Уиллард убрался и держал ее на руках, чувствуя, как в груди у нее быстро бьется сердце. Он выключил свет и пересел на стул рядом с кроватью. Ночью Уиллард задремал, но проснулся в поту посреди сна о Миллере Джонсе – человеке, чье сердце билось, а сам он висел на пальмах, освежеванный заживо. Уиллард поднес к глазам будильник – почти четыре утра. Больше он не ложился.

Через несколько часов он вылил весь свой виски на землю, пошел в сарай и взял инструменты: топор, мотыгу, серп. Весь день расширял поляну вокруг молельного бревна, вырубал кустарник и низкие деревца, пропалывал почву. На следующий день начал отдирать доски от сарая и вместе с Эрвином носил их к бревну. Проработав допоздна, они возвели вокруг поляны еще восемь крестов – той же высоты, что и первый.

– Врачи твоей маме ничем не помогут, – говорил он Эрвину, пока они возвращались домой по темноте. – Но я надеюсь, мы ее сможем спасти, если постараемся.

– Она умрет? – спросил Эрвин.

Уиллард задумался на секунду перед ответом:

– Господь может все, если правильно попросить.

– Как попросить?

– Покажу завтра, первым делом поутру. Будет непросто, но по-другому никак.

Уиллард взял на работе отпуск – сказал бригадире, что жене плохо, но скоро она выздоровеет. Каждый день они с Эрвином часами молились у бревна. Каждый раз, когда они пускались через поля в лес, Уиллард заново объяснял, что их голоса должны донестись до небес и что единственный способ этого добиться – быть абсолютно искренним в молитвах. Чем больше слабела Шарлотта, тем громче становились молитвы, и уже начали разноситься ниже по холму и над ущельем. Каждое утро народ Нокемстиффа просыпался под их мольбы и каждый вечер с ними ложился. Иногда, когда Шарлотте было совсем нехорошо, Уиллард обвинял сына, что тот не хочет матери добра. Бил и пинал мальчика, а потом впадал в раскаяние. Иногда Эрвину казалось, что отец извиняется перед ним каждый день. Через какое-то время он перестал обращать внимание и смирился с побоями, ругательствами, жалобами и извинениями, просто как с частью новой жизни. По ночам они молились, пока не садился голос, потом брели домой, пили теплую воду из ведра на кухонной стойке и без сил падали в постель. Наутро все начиналось заново. И все же Шарлотта истончалась, приближалась к смерти. Когда она выходила из морфийного забытья, умоляла Уилларда прекратить эту ерунду, просто дать ей уйти с миром. Но он не собирался сдаваться. Если потребуется все, что у него есть, – пускай. С минуты на минуту он ждал, как с неба спустится божий дух и дарует исцеление; и, когда к концу подходила вторая неделя июля, он успокаивал себя хотя бы тем, что она уже протянула дольше, чем предсказывали врачи.

Шла первая неделя августа, и большую часть времени Шарлотта уже лежала в беспамятстве. Пока одним душным вечером Уиллард пытался остудить ее влажными полотенцами, ему пришло в голову, что, может быть, от него ждут большего, чем просто молитвы и искренности. На следующий день привез он в кузове пикапа ягненка со скотобойни. Тот был хромой и стоил всего пять долларов. Эрвин соскочил с крыльца и выбежал во двор.

– Можно я его назову? – спросил он, когда отец остановился перед сараем.

– Господи боже, тебе же с ним не жить, – прикрикнул Уиллард. – Дуй в дом к матери.

Он сдал на пикапе в сарай, вышел и торопливо связал задние ноги животного веревкой, потом вздернул ягненка вверх ногами на блоке, приделанном к деревянным балкам под потолком сеновала. Сдвинул машину на несколько футов вперед. Потом опускал перепуганное животное, пока его нос не завис в паре футов от земли. Мясницким ножом перерезал ему глотку и слил кровь в пятнадцатилитровое кормовое ведро. Сел на сноп сена и подождал, пока из раны перестанет капать. Потом отнес ведро на поляну и аккуратно разлил жертвенную кровь по молельному бревну. Ночью, когда Эрвин лег спать, Уиллард отнес пушистую тушку к краю поля и спихнул в овраг.

Пару дней спустя он начал подбирать сбитых на дороге животных: собак, кошек, енотов, опоссумов, сурков, оленей. Трупы, которые уже окоченели и не кровоточили, он развешивал на крестах и ветках вокруг молельного бревна. От жары и влаги те быстро гнили. Отец с сыном едва сдерживали тошноту от вони, пока взывали на коленях к милости Спасителя. С деревьев и крестов, как корчащиеся капли белого жира, сыпались личинки. Земля вокруг бревна отсырела от крови. Кишачие вокруг насекомые множились с каждым днем. Обоих покрывали укусы мух, комаров и вшей. Несмотря на август, Эрвин привык носить фланелевую рубашку с длинным рукавом, рабочие перчатки и платок на лице. Они уже не мылись. Жили на мясной нарезке и крекерах из магазина Мод. Глаза у Уилларда сделались дикими и бешеными, и сыну казалось, что его свалывшаяся борода поседела чуть ли не за одну ночь.

– Вот что такое смерть, – мрачно сказал Уиллард сыну как-то вечером, когда они опустились на колени перед смердящим, пропитавшимся кровью бревном. – Хочешь такого для своей матери?

– Нет, сэр, – сказал мальчик.

Уиллард ударил кулаком по верхушке бревна.

– Тогда молись, чтоб тебя!

Эрвин стянул заляпанный платок с лица и глубоко вдохнул гниль. С тех пор он перестал пытаться избегать грязи, бесконечных молитв, пролитой крови, разложившихся останков. Но мать все равно угасала. Теперь от всего разило смертью, даже от коридора в ее комнату. Уиллард начал запираť ее дверь, запрещал Эрвину ее тревожить.

– Ей нужен покой, – сказал он.

6

Когда однажды днем Генри Данлэп собирался уходить из конторы, явился Уиллард, на неделю опоздавший с платежом. Последние несколько недель юрист на пару минут проскальзывал посреди дня домой, чтобы посмотреть на жену и ее черного любовника. У него было ощущение, что это ненормально, но он уже ничего не мог с собой поделать. Впрочем, надеялся, что сможет как-нибудь повесить на черного смерть Эдит. Видит Бог, ублюдок это заслужил – нечего трахать жену нанимателя. К этому времени большеногий Уилли начал наглеть, приходил на работу по утрам, благоухая импортным коньяком из личного запаса Генри и его же французским лосьоном. Газон превратился в джунгли. Генри уже собирался нанять евнуха, только бы уже кто-нибудь подстриг траву. Эдит все донимала просьбами купить сукину сыну машину.

– Господи боже, да ты паршиво выглядишь, – сказал Генри Уилларду, когда того впустила секретарша.

Уиллард достал кошелек и выложил на стол тридцать долларов.

– Ты тоже, если на то пошло, – ответил он.

– Ну у меня тут в последнее время много чего на уме, – сказал юрист. – Пододвигай стул, присядь на минутку.

– Сегодня мне твоих баек не надо, – отрезал Уиллард. – Только чек.

– Ой, брось, давай выпьем. Тебе, по виду, не помешает.

Уиллард постоял, уставившись на Генри, думая, не ослышался ли. Данлэп впервые предлагал ему выпить или хотя бы вел себя по-человечески с тех самых пор, как шесть лет назад они подписали договор. Он пришел, готовый к разносу за просрочку, уже твердо решившись выбить из юриста дурь, если тот распиздится. Уиллард бросил взгляд на часы на стене. Шарлотте нужно было купить еще одно лекарство по рецепту, но аптека работала до шести.

– Да, пожалуй, не помешает, – согласился Уиллард. Сел на деревянный стул напротив мягкого кожаного кресла юриста, а Генри достал из шкафчика два стакана и бутылку скотча. Разлил, подал один своему жильцу.

Сделав глоток, юрист откинулся на кресле и обратил взгляд на деньги, лежащие на столе перед Уиллардом. Из-за волнений о жене у Генри началось несварение. Он уже несколько недель думал о том, что рассказал ему гольфист, – как его жилец избил человека.

– Еще хочешь купить дом? – спросил Генри.

– Сейчас я таких денег не найду, – ответил Уиллард. – Жена болеет.

– Жаль слышать, – сказал юрист. – Про жену, в смысле. Ей очень плохо? – Он пододвинул бутылку к Уилларду. – Ты угощайся, не стесняйся.

Уиллард налил на два пальца.

– Рак, – сказал он.

– А у меня мать умерла от рака легких, – сказал Генри, – но это было давно. С тех пор его уже научились лечить.

– Так что там с чеком? – поинтересовался Уиллард.

– В придачу к дому идут почти сорок акров.

– Как я уже сказал, денег мне не достать.

Юрист повернулся в кресле и посмотрел на стену, в сторону от Уилларда. Единственный звук издавал вентилятор – он вертелся в углу, гоняя по комнате горячий воздух. Генри отпил еще.

– Довольно давно я поймал жену на том, что она мне изменяет, – сказал он. – С тех пор я себя за человека не считаю, – признаваться деревенщине, что он роконосец, оказалось тяжелее, чем он думал.

Уиллард изучал профиль толстяка, смотрел, как ручеек пота сбегает у него по лбу и капает с носа-картошки на белую рубашку. Признание его не удивило. В конце концов, что за женщина вообще выйдет за такого мужика? В переулке проехала машина. Уиллард взял бутылку и налил стакан до краев. Залез в карман рубашки за сигаретой.

– Да, это дело такое, – пробормотал он. Ему было насрать на супружеские проблемы Данлэпа, но он не пил толком с тех пор, как привез Шарлотту домой, а виски у юриста был первоклассный.

Юрист опустил взгляд в стакан.

– Я бы взял и развелся, но, черт возьми, она трахается с мужиком черным, как пиковый туз, – он и посмотрел на Уилларда. – Ради моего мальчика – я бы не хотел, чтобы об этом знали в городе.

– Блин, мужик, может, жопу ему надрать? – предложил Уиллард. – Приложи убудка лопатой по башке, тогда до него дойдет.

«Господи, думал Уиллард, у богачей все на мази, пока жизнь идет по-ихнему, но стоит говну попасть на вентилятор – и они разваливаются, как бумажные куколки под дождем».

Данлэп покачал головой.

– Без толку. Она просто найдет нового. Моя жена – шлюха, и всю жизнь была шлюхой, – юрист достал сигарету из портсигара на столе и закурил. – Ох, ладно, хватит об этом дерьме, – он выпустил к потолку облако дыма. – Короче, вернемся к дому. Я тут прикинул. Что, если бы я тебе сказал, что ты можешь получить дом бесплатно и без хлопот?

– Бесплатно ничего не бывает, – ответил Уиллард.

Юрист еле заметно улыбнулся.

– В чем-то ты, наверное, прав. Но все-таки – тебе интересно? – Он поставил стакан на стол.

– Не пойму, к чему ты ведешь.

– Ну, я тоже, – сказал Данлэп, – но давай ты зайдешь на следующей неделе в контору и, может, мы об этом потолкуем. К тому времени я уже что-нибудь соображу.

Уиллард встал и осушил стакан:

– Посмотрим. Надо узнать, как там жена.

Данлэп показал на деньги, которые Уиллард положил на стол.

– Бери с собой. Похоже, они тебе не помешают.

– Нет, – сказал Уиллард, – они твои. Но я все еще жду чек.

Они продолжали молиться, проливать кровь на бревно и развешивать исковерканные, размазанные тушки с дороги. Уиллард все думал о разговоре с толстожопым землевладельцем. Прокрутил его в голове сто раз и понял: Данлэп, похоже, хочет, чтобы он убил черного или жену, а то и обоих. Он не мог представить, ради чего еще стоило бы переписать на него дом. Но не мог Уиллард и не удивиться, с чего Данлэп решил, что он на такое способен; на ум пришло только одно: юрист считает его за дурака и разводит. Он наверняка проследит, чтобы жилец оказался в тюрьме еще до того, как остынут тела. Недолгое время после разговора с Данлэпом Уиллард думал, что еще есть шанс исполнить мечту Шарлотты. Но дом никогда не будет принадлежать им. Теперь он это понимал.

Однажды в середине августа Шарлотта как будто бы взбодрилась, даже съела миску томатного супа «Кэмпбелл», и ее не стошнило. Тем вечером она захотела посидеть на крыльце – впервые за многие недели выбраться на свежий воздух. Уиллард принял ванну, постриг бороду и причесался, а Эрвин разогрел попкорн на плите. С запада повеяло прохладой. Они пили холодный «Севен-ап» и смотрели, как на небе медленно загораются звезды. Эрвин при-
могнулся на полу рядом с ее качалкой.

– Тяжкое было лето, да, Эрвин? – провела Шарлотта костлявой рукой по его темным волосам. Он был таким милым, добрым мальчиком. Она надеялась, Уиллард это поймет, когда ее не станет. Надо будет об этом поговорить, снова напомнила она себе. От лекарств память сделалась совсем дырявой.

– Но теперь тебе лучше, – сказал он. Положил еще пригоршню попкорна себе в рот. Не ел горячего уже несколько недель.

– Да, в кои-то веки хорошо себя чувствую, – улыбнулась она.

Наконец около полуночи она заснула в качалке, и Уиллард отнес ее в постель. Посреди ночи она проснулась и металась, пока рак проедал в ней еще одну дырку. Он сидел рядом до утра, а ее длинные ногти с каждой новой волной боли все глубже и глубже впивались ему в ладонь. Это был ее худший припадок.

– Не волнуйся, – повторял он. – Скоро все будет хорошо.

На следующее утро он несколько часов ездил по проселкам, искал в канавах новую жертву, но вернулся с пустыми руками. Днем поехал на скотобойню и, скрепя сердце, купил еще одного ягненка. Но даже он не мог не признать, что это не помогало. На пути из города, уже в скверном настроении, он проезжал мимо конторы Данлэпа. Все еще думал об этом сукином сыне, а потом внезапно дернул руль и встал посреди Западной авеню. Мимо проносились и гудели машины, но Уиллард их не слышал. Еще не испытано последнее средство. Как это ему раньше в голову не приходило?

– Я уже почти махнул на тебя рукой, – сказал Данлэп.

– Я был занят, – ответил Уиллард. – Слушай, если еще хочешь поговорить, может, встретимся у тебя в конторе сегодня в десять вечера? – Он стоял в телефонной будке в баре «Дасти» в паре кварталов к северу от конторы юриста. Судя по часам на стене, было почти пять. Он велел Эрвину сидеть в комнате с Шарлоттой, сказал, что может вернуться поздно. Положил мальчику циновку в изножье ее кровати.

– В десять? – спросил юрист.

– Раньше не доеду. Решай сам.

– Ладно. Тогда увидимся в десять.

Уиллард купил у бармена пинту виски и следующие пару часов катался по округе и слушал радио. Проезжал мимо «Деревянной ложки» перед закрытием, видел, как оттуда выходит какая-то тощая девчонка – с тем же кривоногим стариком поваром, который работал на гриле, еще когда Шарлотта обслуживала столики. Наверняка до сих пор не умеет приготовить приличный мясной рулет, подумал Уиллард. Остановился и заправился, потом двинул в бар «Текумсе» на другой стороне города. Сидя в баре, пропустил пару пива, смотрел, как парень в очках с толстыми линзами и в грязной желтой каске четыре раза подряд очистил бильярдный стол. Когда Уиллард выходил на гравийную стоянку, солнце начинало заходить за трубу бумажной фабрики.

В девять тридцать он сидел в пикапе на Второй улице, в квартале к востоку от конторы юриста. Через несколько минут он увидел, как Данлэп паркуется перед старым кирпичным зданием и заходит внутрь. Уиллард сделал круг, заехал в переулок, прижался к зданию. Перед тем как выйти из машины, несколько раз глубоко вдохнул. Залез за сиденье, достал молоток и засунул рукояткой в штаны, сверху натянул рубашку. Оглядел переулок, потом подошел к задней двери и постучал. Где-то через минуту юрист открыл. На нем были мятая синяя рубашка и мешковатые серые брюки на красных подтяжках. «Умно, что зашел сзади», – похвалил Данлэп. В руке у него был стакан виски, и, судя по красным глазам, выпил он уже немало. Поворачиваясь к столу, запнулся и перднул. «Прошу прощения», – пробормотал он перед тем, как Уиллард ударил его молотком в висок и в комнате раздался тошнотворный треск. Данлэп молча упал ничком, опрокинув шкаф. Стакан в руке разбился об пол. Уиллард нагнулся над телом

и ударил еще раз. Когда убедился, что тот мертв, прислонился к стене и внимательно прислушался. По улице перед фасадом проехала пара машин, а потом – тишина.

Уиллард достал пару рабочих перчаток из заднего кармана и подтащил тяжелое тело юриста к двери. Поставил обратно шкаф, собрал осколки и вытер пролитый виски пиджаком юриста, висевшим на спинке кресла. Обыскал карманы его штанов, нашел связку ключей и больше двухсот долларов в кошельке. Деньги положил в стол, ключи сунул себе в комбинезон.

Открыв дверь конторы, вышел в маленькую приемную и проверил, заперта ли входная дверь. Зашел в туалет, смочил водой пиджак Данлэпа и вернулся вытирать кровь на полу. На удивление, было ее немного. Бросив пиджак на тело, сел за стол. Поискал какие-нибудь документы со своим именем, но ничего не нашел. Сделал глоток из бутылки скотча на столе, потом закрыл ее и сунул в другой ящик. Еще на столе была фотография в золотой рамке, а на ней – пухлый подросток с теннисной ракеткой, вылитый Данлэп. Фотография жены пропала.

Выключив свет в конторе, Уиллард вышел в переулок и положил пиджак и молоток на переднее сиденье пикапа. Потом опустил задний борт, завел пикап и сдал к открытой двери. Чтобы вытащить юриста в кузов и накрыть брезентом, прижав углы цементными блоками, понадобилась всего минута. Он нажал на сцепление и откатил машину на пару метров, потом вышел и закрыл дверь в контору. Проезжая по шоссе 50, миновал машину шерифа на пустой стоянке перед магазином в Слейт-Миллсе. Смотрел в зеркало заднего вида, затаив дыхание, пока освещенный знак «Тексако» не пропал из виду. На мосту Шотта остановился и выкинул молоток в Пейнт-Крик. К трем утра все уже было кончено.

На следующее утро, когда Уиллард и Эрвин пришли к моельному бревну, по его бокам в прокисшую грязь еще капала свежая кровь.

– Этого вчера здесь не было, – заметил Эрвин.

– Я вчера сурка переехал, – сказал Уиллард. – Когда вернулся домой, пустил ему кровь.

– Сурка? Ого, видать, здоровый был.

Уиллард ухмыльнулся и встал на колени.

– Да, большой. Здоровый и жирный засранец.

7

Несмотря на принесенного в жертву юриста, пару недель спустя у Шарлотты начали ломаться кости – с тихим тошнотворным треском, от которого она кричала и царапала себе руки. Всякий раз, когда Уиллард пытался ее подвинуть, она теряла сознание от боли. Нагноившиеся пролежни на боку все разрастались, пока не стали размером с тарелку. В комнате так же противно воняло гнилью, как у моельного бревна. Дождь не шел уже месяц, от жары некуда было деться. Уиллард купил еще ягнят на бойне, поливал бревно ведрами крови, пока ботинки не стали тонуть по щиколотку в грязной жиже. Однажды утром, пока его не было, к крыльцу вышел, робко поджав хвост, хромой и голодный пес с мягкой белой шерстью. Эрвин скормил ему объедки из холодильника и уже назвал Джеком, но тут домой вернулся отец. Не говоря ни слова, Уиллард зашел в дом и вынес винтовку. Оттолкнул Эрвина от собаки, потом выстрелил ей между глаз, как ни умолял мальчик. Уволок в лес и прибил к кресту. После этого Эрвин перестал с ним разговаривать. Все слушал стоны матери, пока Уиллард ездил по округе в поисках новых жертв. Скоро опять начиналась школа, а он ни разу за все лето не спускался с холма. Эрвин поймал себя на том, что хочет, чтобы мама умерла.

Несколько ночей спустя Уиллард влетел в спальню к Эрвину и растолкал мальчика. «Быстро к бревну», – приказал он. Мальчик сел, огляделся спросонья. В коридоре горел свет. Слышно было, как в комнате напротив хрипит и задыхается мать. Уиллард снова его растормошил. «Не смей прекращать молиться, пока я за тобой не приду. И чтоб Он тебя услышал, ты понял?» Эрвин накинул одежду и побежал трусцой через поле. Подумал о том, что хотел ей смерти – собственной матери. Побежал быстрее.

К трем утра горло уже саднило. Раз приходил отец и опрокинул ему на голову ведро воды, требовал молиться дальше. Но как Эрвин ни взывал к милости Божьей, он ничего не чувствовал – и она не снизошла. Некоторые в Нокемстиффе закрывали окна, несмотря на жару. Другие всю ночь не выключали свет, сами читали молитвы. Сестра Снука Хаскинса, Агнес, сидела в кресле, слушала жалобный голос и думала о призраках мужей, которых похоронила у себя в голове. Эрвин посмотрел на мертвого пса, глядящего пустыми глазами на темный лес, – брюхо у него раздулось и готово было лопнуть.

– Ты меня слышишь, Джек? – спросил он.

Перед самым рассветом Уиллард накрыл мертвую жену чистой белой простыней и прошел по полю, одереvenев от утраты и отчаяния. Тихо встал за Эрвином, пару минут слушал, как мальчик молится – теперь уже едва слышным сдавленным шепотом. Опустил взгляд, с отвращением осознал, что сжимает в руке раскрытый перочинный нож. Покачал головой и убрал в карман.

– Пошли, Эрвин, – впервые за многие недели он обратился к сыну без злобы. – Все кончено. Твоей мамы больше нет.

Шарлотту похоронили через два дня на маленьком кладбище у Бурнвиля. По дороге домой с похорон Уиллард сказал: «Думаю, стоит ненадолго уехать. Навестишь свою бабушку в Коул-Крике. Может, поживешь у нее. Познакомишься с дядей Ирскеллом, да и девочка, что у них живет, ненамного моложе тебя. Тебе там понравится». Эрвин ничего не сказал. Он еще не оправился после собаки и сомневался, что когда-нибудь оправится после смерти матери. Уиллард все время обещал: если они будут молиться усердно, то ей будет лучше. Когда они вернулись домой, то нашли на крыльце у двери завернутый в газету пирог с голубикой. Уиллард ушел в поле за домом. Эрвин зашел в дом, снял свой парадный костюм и лег в кровать.

Когда он проснулся через несколько часов, Уиллард еще не вернулся, но мальчика это полностью устраивало. Эрвин съел полпирога и убрал остальное в холодильник. Вышел на крыльцо, сел в качалку матери и смотрел, как вечернее солнце опускается за хвойную стену к

западу от дома. Думал, как ей первую ночь спится под землей. Темно, наверно? Он слышал, как старик, опершийся под деревом на заступ, говорил Уилларду, что смерть – либо долгое путешествие, либо долгий сон, и, хотя отец нахмурился и отвернулся, Эрвину тогда показалось, что это звучит неплохо. Ради блага матери ему бы хотелось, чтобы было немножко от одного и немножко от другого. На похороны пришла всего горстка людей: женщина, с которой мать работала в «Деревянной ложке», и пара старушек из нокемстиффской церкви. Где-то на западе у нее была сестра, но Уиллард не знал, как с ней связаться. Эрвин никогда еще не был на похоронах, но у него сложилось впечатление, что эти получились не ахти.

Когда по заросшему двору расплзлась темнота, Эрвин встал, обошел дом и несколько раз позвал отца. Подождал пару минут, подумал просто лечь обратно спать. Но потом зашел в дом и достал из ларя на кухне фонарик. Поискав в сарае, двинулся к молельному бревну. С тех пор как скончалась мать, их нога туда не ступала вот уже три дня. Теперь ночь опускалась быстро. Над полем летучие мыши гонялись за насекомыми, из гнезда под сенью жимолости за ним наблюдал соловей. Эрвин помедлил, потом вошел в лес и двинулся по тропинке. Остановившись у края поляны, посветил фонариком. Увидел Уилларда на коленях у бревна. В нос ударил запах гнили, и показалось, его вот-вот стошнит. Так и чувствовал, как пирог полез обратно в горло.

– Больше я сюда не приду, – громко сказал он отцу. Эрвин знал, что нарвется на неприятности, но было все равно. – Больше не буду молиться.

Подождал ответа с минуту, потом сказал:

– Ты меня слышал?

Подошел ближе к бревну, не сводя фонарика с силуэта Уилларда. Потом коснулся плеча отца, и на землю упал перочинный нож. Голова Уилларда свесилась набок, и обнажился кровавый порез на горле от уха до уха. По боковине бревна бежала кровь и капала ему на брюки. Подул легкий ветерок и остудил пот на шее Эрвина. Над головой скрипели ветки. В воздухе проплыл белый клочок шерсти. Кости, висящие на проволоке и на гвоздях, издавали глухой перестук – какая-то тоскливая, выхолощенная музыка.

За деревьями Эрвин видел редкие огоньки Нокемстиффа. Слышал, как где-то внизу хлопнула дверца машины, потом звякнула о металлический штырек подкова. Подождал, когда подкову бросят опять, но ничего не было. Казалось, прошла тысяча лет с того утра, когда здесь со спины к ним с Уиллардом вышли два охотника. Было совестно и стыдно, что он не плачет, но слез уже не осталось. Долгая смерть матери давно осушила глаза. Не зная, что еще делать, он обошел тело Уилларда и посветил перед собой фонариком. Двинулся через лес.

8

Ровно в девять часов тем же вечером Хэнк Белл повесил на витрину магазина Мод табличку «Закрыто» и выключил свет. Зашел за стойку и достал со дна холодильника целую упаковку пива, потом вышел через черный ход. В переднем кармане рубашки у него лежал маленький транзисторный приемник. Хэнк сел на шезлонг, открыл пиво и закурил. Он уже четыре года жил в фургоне за этим бетонным зданием. Сунул руку в карман, включил радио как раз тогда, когда объявили, что бейсбольная команда «Цинциннати Редс» отстает на три раунда в шестом иннинге. Играли на Западном побережье. Хэнк прикинул, что там всего около пяти часов дня. Забавно, как устроено время, подумал он.

Взглянул на маленькую катальпу, которую посадил в первый год работы в магазине. С тех пор она выросла почти на полтора метра. Черенок он взял от дерева на переднем дворе дома, где они жили с матерью, пока она не умерла, а дом не забрал банк. Хэнк сам не знал, зачем посадил дерево. Еще самое большее пара лет – и он планировал покинуть Нокемстифф. Говорил об этом каждому покупателю, который готов был слушать. Каждую неделю понемногу откладывал от тридцати долларов, которые платила Мод. Иногда подумывал податься на север, а иной раз решал, что на юге лучше. Но принять решение еще успеется. Он еще молодой.

Он смотрел, как от Блэк-Ран-Крика на несколько метров поднимается серебристо-серый туман и накрывает плоское каменистое поле за магазином – коровье пастбище Кларенса Майерса. Это было его любимое время дня – сразу после того как сядет солнце и пока не исчезнут длинные тени. Он слышал, как на бетонном мосту перед магазином каждый раз, как мимо проедет машина, вопят и ухают мальчишки. Некоторые собирались там почти каждый вечер, несмотря на погоду. Все до единого нищие как церковные мыши. Все, что им надо от жизни, – скоростная тачка и горячая телка. В каком-то смысле и это неплохо, думал он, – провести всю жизнь в подобных незатейливых устремлениях. Иногда он жалел, что сам такой амбициозный.

Три дня назад наконец затихли молитвы на вершине холма. Хэнк старался не думать о бедной женщине, умирающей взаперти, как говорили люди, пока Рассел и его мальчишка сходят с ума. Черт, да они иногда почти все ущелье до безумия доводили, так завывали часами каждое утро и каждый вечер. Как послушаешь, больше кажется, что там у них не христианская молитва, а культ вуду какой-нибудь. Пару недель назад двое мальчишек Линч наткнулись на висящих на деревьях дохлых зверей, а потом у них пропала одна из собак. Господи, как страшно нынче жить. Только вчера он читал в газете, что жена Генри Данлэпа и ее черный любовник арестованы по подозрению в его убийстве. Тело законники еще не нашли, но для Хэнка доказательством вины было уже то, что она спала с негром. Юриста знали все; он владел землей по всему округу Росс, заезжал время от времени в магазин в поисках самогона, чтобы впечатлить своих друзей – больших шишек. Судя по тому, что Хэнк о нем слышал, мужик, может, и заслужил смерти, но чего эта баба не могла попросту развестись и переехать в Белый Рай к цветным? Люди вообще уже мозгами не думают. Удивительно, что юрист сам ее первой не убил – это если знал про ее дружка. Никто бы его за это не винил, но теперь он мертв – и может, к лучшему. Чертовски непросто жить, когда все вокруг знают, что твоя жена гуляет на стороне с черным.

«Редс» вышли на удар, и Хэнк задумался о Цинциннати. Когда-нибудь, уже скоро, он поедет в Речной город и посмотрит два бейсбольных матча подряд. Возьмет хорошее место на стадионе, попьет пива, налопается тамошних хот-догов. Он слышал, на стадионе сосиски вкуснее, так что собирался убедиться лично. Цинциннати всего в каких-то ста пятидесяти километрах по другую сторону Митчелл-Флэтса, прямоком по шоссе 50, но он там никогда не был – за все свои двадцать два года не забирался западнее Хиллсборо. Хэнк чувствовал: после этой поездки он заживет настоящей жизнью. Подробности он еще не продумывал, но еще после

игры хотел снять шляху – какую-нибудь девчонку помиловиднее да поласковее. Доплатит, чтобы она его раздела, сняла с него штаны и ботинки. По такому случаю собирался купить новую рубашку, заехать по дороге в Бейнбридж и прилично постричься. Он ее разденет медленно, будет возиться с каждой пуговкой или на что там застегиваются бляди. Плеснет вискаря ей на сиськи и слизнет – прямо как рассказывают мужики, когда приходят в магазин, заложив за воротник в «Загоне». Когда он наконец в нее войдет, она ему скажет не торопиться, что не привыкла к таким размерам. Она будет совсем не как эта брехливая Милдред Макдональд – единственная женщина, которая его к себе подпустила.

– Пуф, – растрепала Милдред всем в «Загоне», – а потом только дым.

Это было больше трех лет назад, а его до сих пор подкалывали. Шляха в Цинциннати в конце будет уговаривать его оставить деньги себе, попросит телефонный номер – может, даже станет умолять забрать с собой. Он верил, что домой наверняка вернется другим человеком – прямо как Тошй Глисон, когда тот приехал с Корейской войны. Перед тем как покинуть Нокемстифф навсегда, Хэнк подумывал, может, даже заглянуть в «Загон» и купить ребятам по пиву на прощание – просто чтобы показать, что не обиделся на шутки. В каком-то смысле, наверно, Милдред сделала ему одолжение; после того как перестал туда ходить, он много сэкономил.

Он вполуха слушал игру и думал, как подло обошлась с ним Милдред, но вдруг заметил, как по пастбищу Кларенса кто-то идет с фонариком. Увидел, как тонкая фигурка пролезла под колючей проволокой и теперь направляется к нему. Уже почти стемнело, но, когда человек подошел ближе, Хэнк понял: это мальчишка Расселов. Он никогда не видел, чтобы тот спускался с холма в одиночку – вроде бы ему не разрешал отец. Но как раз сегодня они похоронили мать, и может, теперь порядки сменились, сердце Рассела оттаяло. Мальчишка был в белой рубашке и новом комбинезоне.

– Здоров, – сказал Хэнк, когда Эрвин подошел ближе. Лицо у мальчика было исхудавшим, потным и бледным. Выглядел он плохо, даже очень. Казалось, все лицо и одежда у него вымазаны кровью. Эрвин остановился в паре футов от продавца и выключил фонарик.

– Магазин закрыт, – сказал Хэнк, – но если что надо, могу открыться.

– Как можно связаться с полицией?

– Ну, либо наделать делов, либо позвонить по телефону.

– Можете позвонить? Я никогда не пользовался телефоном.

Хэнк выключил радио в кармане. «Редсов» все равно раздолбали в пух и прах.

– А на что тебе шериф, сынок?

– Он умер.

– Кто?

– Мой папа, – сказал Эрвин.

– У тебя же вроде умерла мама?

На миг на лице мальчика отразилось замешательство, потом он покачал головой.

– Нет, мама умерла три дня назад. Я говорю про папу.

Хэнк встал и нашарил в штанах ключи от задней двери магазина. Спросил себя: что, если мальчишка спятил от скорби? Хэнк помнил, как ему самому было тяжело, когда умерла мать. От этого по-настоящему не оправившись, ему ли не знать. До сих пор вспоминал ее каждый день.

– Заходи. Наверняка хочешь пить.

– У меня нет денег, – признался Эрвин.

– Ничего, – ответил Хэнк. – Будешь должен.

Они зашли, и продавец откинул крышку металлического холодильника с газировкой.

– Какую любишь?

Мальчик пожал плечами.

- Вот рутбир, – сказал Хэнк. – Я в детстве его любил, – он передал мальчику бутылку и почесал однодневную щетину. – Значит, звать тебя Эрвин, да?
- Да, сэр, – сказал мальчик. Положил фонарик на стойку, сделал глубокий глоток, потом еще.
- Ладно, так с чего ты взял, что с твоим папой плохо?
- Из-за шеи, – сказал Эрвин. – Он себя порезал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.